

ДМИТРИЙ ПЕЙПОНЕН

18+

РОМАН

БРОНЗОВЫЙ АНГЕЛ

НАД ОКЕАНОМ

C-12-12

Дмитрий Пейпонен

Бронзовый ангел над океаном

«Автор»

2010

Пейпонен Д.

Бронзовый ангел над океаном / Д. Пейпонен — «Автор»,
2010 — (С-12-12)

История становления Натки Соловей, как сильного и опасного бойца, история обучения ее и девчонок, и история создания знаменитой группы «С-12-12». Альтернативная версия ранее опубликованного романа.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	43
Глава 7	52
Глава 8	56
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дмитрий Пейпонен

Бронзовый ангел над океаном

Предисловие

... Мы живем в спокойном и размеренном мире... В мире, где все понятно, известно наперед и расписано по часам и минутам – утром – завтрак, потом работа, потом домой, ужин, спать.

И так – день ото дня, год за годом. Мы попрятались в коробках квартир, для верности задернув окна шторами, оградив себя от неожиданностей, от непредвиденностей. В этом нашем бетонно-шторном мирке не осталось места для спонтанности, для неожиданности, для порывов и безрассудностей. Этот мир наш возвращает в нас потребность к уюту, к теплу домашнего очага, к понятности, порождая желание все упростить и отворачиваться от того, что не укладывается в этот миленький шаблон с геранью на подоконнике, премией в конце месяца и дежурным букетом на 8 марта из дежурного количества дежурных роз в дежурном целлофане.

В этом нашем мире все стандартизировано и заранее придумано – и первые свидания, и свадьбы, и похороны – все по сценариям, все "как у всех". И вот, уже становятся наши дома, города, муравейниками с коллективным, массовым сознанием, с шаблонами и стандартами на все случаи жизни – и так хороши они, что сломанный ноготь порой превращается в трагедию...

Мельчаем мы, мельчают наши радости и беды, мельчают глубины познания – не хотим мы уже вглубь и ввысь – все больше тянемся к мягким стульчикам и полным тарелочкам, к ящику с говорящими головами, которые и расскажут, и подскажут, и рассмешат, и напугают – но в меру, в рамках нашего муравейника...

И не знаем мы, что совсем рядом есть другие миры. Совершенно другие. В которых все искренне, по-настоящему, на полную катушку – и любовь, и ненависть, и боль, и счастье – все в полнеба, все как в последний раз...

Искренность, подлинность – то, что покидает наш мир, живет в этих параллельных мирах.

Мы о них не знаем, и не хотим знать – но они существуют.

И населяют их совсем другие люди.

Мы иногда сталкиваемся с ними, но не знаем, что это они.

И, вероятнее всего, у них нам и нужно учиться, как относиться к жизни, к солнцу, к небу и дождю, к любви, к себе, к друзьям и врагам.

Ведь в их мире до сих пор живут такие понятия, как честь, совесть, любовь, самопожертвование, патриотизм – чувствуете, какие немодные и неудобные для нашего стандартизированного муравейника понятия- слишком большие, слишком непонятные, слишком многого требуют они – и души, и сил, и мыслей...

Именно об одном из таких параллельных миров мы и хотим рассказать в нашей книге.

Нет здесь не будет ни инопланетян, ни монстров в привычном, стандартном понимании этих слов.

Потому что даже монстры наши – придуманные, с сахарной глазурью, они тоже ручные, привычные и понятные.

Часть первая

Глава 1

...Весна во Владивостоке – коварная и переменчивая. Солнышко не очень часто радует теплыми своими прикосновениями. Обычно, весна – это как контрастный душ – то морозец, то тепло. Нет обычных звонких капелей, рыхлого, подтаявшего снега и запаха просыпающейся природы, как в других уголках России. Но сегодня, в канун Наташиного дня рождения, природа, словно опомнившись, запустила весну на всю катушку: в поголубевшем небе сияло солнце, а сосульки, свисающие с карнизов и крыш, заплакали хрустальными каплями. И даже такой привычный ветер, сегодня не веял океанским холодом, а притих, словно засмущавшись, перед наступающей весной. Натка сидела за партой и, наморщив нос, задумчиво смотрела в окно, на сверкающие, словно стеклянные, сосульки, в которых играли солнечные лучи. Изредка, подобно стеклянным бусинам, с сосулечек искрами падали капли. Натке казалось, что это природа считает минуты до ее дня рождения, специально, по случаю такого большого праздника, устроив настоящий весенний день в довольно суровом ее городе. Натка вздохнула и опустила взгляд в тетрадь, к задачке, которую решал весь класс.

– Соловей! – строго сказала полная, очень уютная физичка Майя Александровна. Яркорыжие волосы «Майюшки», как за глаза, звали ее ученики, горели на солнце, как костер. – Может, ты расскажешь всем, чего такого интересного, ты увидела за окном? – Майюшка сердито свела брови. Она очень не любила, когда ученики занимались на ее уроках чем-то, кроме ее обожаемой физики.

– Весна, Майя Александровна – просто ответила Натка. – Солнце светит, сосульки таять начали. Красиво!

– Тебе бы, Наталья, стихи писать! – усмехнулась Майюшка и тоже взглянула в окно, словно хотела убедиться, что ее не обманывают, и весна действительно началась. – Давай-ка, Соловей, к доске и реши задачу! Похоже, весна мешает тебе сосредоточиться и решить самостоятельно, я правильно понимаю?

Натка пожалала плечами и пошла к доске. Она лихорадочно соображала, с чего начать решение, пока шла по проходу между рядами парт. Натка встала у доски, взяла в руку теплый, шершавый кусочек мела и слала писать на доске условия задачи, которые диктовала Майюшка. Вдруг, в дверь класса постучали, и, не дожидаясь, когда кто-то ответит, в класс вошел директор школы, Тимофей Сергеевич. Вообще, во Владивостоке, большая часть мужчин, так или иначе, была связана с морем. Не был исключением, и Тимофей Сергеевич. Его лицо, казалось, навечно забронзовело от океанского солнца и соленых ветров, а седые пышные усы, за которые его ученики прозвали «Боцман», были с желтым оттенком от табачного дыма. Директор всегда ходил в тельняшке, под строгим темно-синим костюмом и в матросских ботинках. Тимофей Сергеевич, когда-то, довольно давно, был китобоем и ходил на одном из судов знаменитой китобойной флотилии «Слава». Он был гарпунером – стрелял из гарпунной пушки по китам. Но однажды, граната, которая прикреплялась к гарпуну, взорвалась еще до того, как гарпунер Тимофей, выстрелил в кита. Так Тимофей Сергеевич получил свою хромоту и списание на берег. Ученики школы, побаивались Боцмана за крутой нрав и умение придумывать суровые, но справедливые наказания.

Боцман вошел в класс и с дружным шумом, ученики встали, приветствуя директора.

– Садитесь – махнул рукой Тимофей Сергеевич и посмотрел на Натку.

– Соловей – сказал директор. Это была еще одна его особенность – он помнил фамилии, практически, всех учеников школы. – Пошли со мной! Майя Александровна, я заберу ученицу? Очень важное дело.

– Да, конечно, Тимофей Сергеевич, – ответила Майюшка. – Иди, Наталья!

Натка пошла за директором, ломая голову над тем, за что ее вызвали.

«Узнал, что это я подожгла урну возле школы? Заложили, что я подралась с Аленкой Грик из восьмого «А»? Или опять, этот противный Сашка Федоров, нажаловался, что я ему по шее надавала за котенка, в которого он снежками бросал?» – перебирала Натка в голове свои последние «подвиги». «А может, Розочка наядбедничала?». Розочкой называли учительницу по английскому языку, Розу Павловну, худую, строгую женщину с неизменной «бомбошкой» из черных волос на затылке. Розочка ходила в строгих костюмах, держалась немного надменно и была похожа на английскую леди в том виде, в каком представляли ученики англичанок – чопорными, строгими и осанистыми. Розочка была классным руководителем восьмого «Б», в котором училась Натка. «Подумаешь, ручку ей сломала!» – думала Натка. – «Была бы, действительно, какая-то ручка особенная, а эта, из-за обычной ручки из Канцтоваров, за тридцать пять копеек, такой крик подняла! Ну, точно, родителей Боцман вызовет, если из-за Розочки!» При мысли о родителях, Натка вспомнила, что родителей нет дома: отец уехал на дальний полигон, на стрельбы, и маму взял с собой. Отец у Наташи, был офицером – пограничником, часто уезжал куда-нибудь по службе. А служба у него была, на зависть всем – он был специалистом по оружию и амуниции. Маму, он тоже частенько брал с собой, если была возможность. Несколько раз, ездила с ними и Натка.

«Сейчас начнется!» – с неудовольствием думала Натка. – «Ты же девочка, Соловей, девушка, точнее! Старшеклассница! Смотри, какая вымахала невеста! Ты же принцесса, Соловей! А ведешь себя, как шпана из района Первомайский!»

– Проходи, Соловей! – сказал директор, открывая перед Наткей, дверь своего кабинета. Натка вошла в этот страшный кабинет и удивилась, увидев, что возле директорского стола, на стуле с красной тканевой обивкой, на который, обычно, Боцман усаживал Натку, прежде чем отчитать за очередные «художества», сидел брат отца, тоже военный, только летчик – дядя Сережа. Когда Натка вошла в кабинет, дядя Сережа, как-то напрягся, странными глазами посмотрел Натке в глаза, встал и взял Натку за руку.

– пойдем-ка, Натка, домой – сказал сдавленно, дядя Сережа.

– Да-да, идите, Сергей Михайлович, – сказал Боцман. – Если что, не волнуйтесь, школа, чем сможет, поможет!

«В чем поможет?» – подумала Натка и пошла за дядей Сережей. Странное дело, на своем УАЗике, дядя Сережа, поехал не к Натке домой, а к себе, на Первую Речку.

– Мы, разве, не домой? – спросила Натка. Она сначала подумала, что отец с мамой, вернулись и попросили дядю Сережу, привезти ее домой, но оказалось, нет.

– Нет, Натка, мы ко мне едем, – Сказал дядя Сережа, не оборачиваясь.

Натке показалось, что дядя Сережа что-то скрывает от нее и ей стало не по себе. Какая-то тень на лице дяди, ее пугала и безотчетно, она боялась того, что хотел ей сказать дядя Сережа. Они приехали к кирпичной пятиэтажке офицерского общежития, в котором жил дядя Сережа, молча поднялись по пыльной лестнице, к нему в комнату.

– Садись, Натка – сказал дядя Сережа, указывая на диван, а сам подошел к серванту и достал оттуда маленькую, будто игрушечную, бутылочку водки со смешным названием «чекушка». Он зубами сорвал с бутылки пробочку из фольги, налил водку в красивый тонкостенный стакан с красными полосочками по краю, залпом выпил. Из кармана шинели, достал красную пачку «Примы», размял сигарету пальцами, прикурил от спички. Комнату моментально заполнил табачный, горький дым. Натка видела, понимала, что дядя Сережа, готовится ей что-то сказать. Необъяснимый страх сковал ее. Она сидела на диване, не сводя взгляда с

дяди Сережи, теребя край черного школьного фартука. Наконец, дядя Сережа, в упор посмотрев на Натку, вздохнул глубоко, закашлялся от дыма сигареты, бросил окурок в металлическую пепельницу.

– Натка. – сказал дядя Сережа, каким-то чужим голосом. – Твоих родителей больше нет!

Натка оцепенела. Волна какого-то холодного ужаса, прокатилась по телу, в ушах застучал пульс. Перехватило дыхание.

– Как это нет? – не желая, впрочем, знать ответ, шепотом спросила Натка.

– Ехали, понимаешь, с полигона, а погода, сама видишь! Дорога скользкая! Вот, отец с управлением и не справился! Но ты не думай, им даже больно не было, врачи сказали, мгновенно погибли...

Погибли! – это слово, как обухом по голове, ударило Натку, и она замерла, не смея поверить в то, что отца и мамы, больше нет в живых. Отец, большой, сильный, с черными роскошными усами, похожий на адъютанта его превосходительства из кино, и мама, тоненькая, хрупкая, настоящая балерина, с каким-то милым, девичьим лицом и негромким, нежным голосом. И они погибли! Натка даже подумала, что дядя Сережа ее обманывает, но взглянув на его лицо, поняла, что это правда! Такая вот, болезненная, горькая правда, от которой защипало глаза, и к горлу подкатился комок. Натка сглотнула, и слезы покатились по ее щекам. Но Натка не стала их вытирать – руки не слушались. Казалось, они могут только одно – теребить край черного школьного фартука...

...Отец Наташи служил специалистом по вооружению и амуниции. В его ведении находились почти все воинские части Дальневосточного пограничного округа. Это был сильный, красивый, высокий мужчина, повадками напоминавший белогвардейского офицера. И, хоть и был он в звании майора, друзья и некоторые сослуживцы, называли его «штабс-капитан», за приверженность таким понятиям, как офицерская честь, патриотизм и любовь к Родине. Майор Соловей, при всей своей твердости и принципиальности на службе, в семье был мягким и чутким человеком. Он обожал жену и дочь, буквально растворяясь в них. Особенно, конечно, обожал он свою дочку, Натку. Если мама, все-таки, иногда проявляла какую-то строгость, то отец, несомненно, сводил все ее воспитательные процессы на нет. Он всячески баловал Натку, потакал ее шалостям, частенько, даже защищал ее, когда она в своих проделках, выходила за рамки. Поэтому, детство у Наташи, было светлым и беззаботным. Она очень любила своих родителей и очень ими гордилась. Мама, работала во Дворце пионеров и школьников, что на Китайской улице, вела кружок бального танца, в который, естественно, ходила и Натка. А потом, посоветовавшись с отцом, Натка стала ходить и в секцию айкидо, в этом же Дворце, не бросая, впрочем, и танцы. Маму очень любили ее воспитанники, участники танцевального ансамбля, называя ее «королева Марго» за утонченность манер, интеллигентность и царственную осанку. И, если у отца, была большая семья: брат Сергей, сестра Ольга и сестра Валентина, то Маргарита Соловей, была сиротой. Выросла она в детдоме. С мужем своим, в то время, блистательным молодым лейтенантом – пограничником, она познакомилась, когда училась в хореографическом училище, в Перми. Там же, в военном училище, учился и будущий майор Соловей. Они познакомились в кафе-мороженом, на Комсомольском проспекте, а потом, долго гуляли по вечерней Перми, смотрели на теплоходы, проплывающие по Каме. Они полюбили друг друга, как в романах, с первого взгляда. И, когда лейтенант Соловей, засобиравшись на Дальний Восток, куда забросила его начинавшаяся военная карьера, Маргарита Игоревна, в девичестве Иванова, решительно последовала за ним. Во Владивостоке, они и поженились. Вскоре, во Владивосток, перебрались и младшие сестры Владимира Соловья. А брат его, Сергей, перевелся во Владивосток, написав рапорт, так как очень хотел служить рядом со старшим братом...

... – Ты, Натка, только не раскисай, ладно? – сказал дядя Сережа, налив воду в чайник и ставя его на электроплитку. – Тебе сейчас, раскисать никак нельзя. Взрослеть тебе придется,

дочка. Вот так, девочка. Ты же дочь военного, офицерская дочка, Натка, так что, сама понимаешь...

– Я не раскисаю, дядя Сережа – прошептала Натка, удивляясь, как он может, в такой момент, ставить какой-то чайник, думать о чем-то, кроме того, что отца и мамы, больше нет.

– Завтра с тобой делами займемся, – сказал дядя Сережа. Тебе как лучше, домой, или у меня переночуешь?

Натка подумала о том, что дома все – все, будет напоминать ей о родителях: и мамины альбомы с рисунками, которые, как обычно, лежат на ее рабочем столе, и фотографии отца в рамках, висящие в комнате на стенах. Рамки эти, отец делал своими руками. Фотография, была его маленькой слабостью – он снимал красивые дальневосточные пейзажи, а потом печатал фотографии, запершись в ванной, в волшебном свете красного фонаря. Иногда, он брал с собой и дочку, и Натка заворожено, как на колдовство, смотрела, как на чистом листе бумаги, в красном колдовском свете, в ванночке, как ей казалось, с обычной водой, начинали проявляться сопки, вековые елки или океанский прибой. Но уже к пятому классу, Натка точно знала, что такое проявитель и что такое фиксаж, знала, чем «Унибром», к примеру, отличается от «Бромпортрета», знала, как выставить на фотоаппарате выдержку и диафрагму, и как правильно ловить нужный кадр. Натке стало страшно. Она до боли, до слез, не хотела увидеть все эти вещи: в прихожей, она точно знала, на вешалке, будет висеть мамино синее пальто с белым меховым воротником и португезя отца, а на кухне, на полочке, будет стоять большая красная кружка, которую так любил отец. Там же, на подоконнике, стоял цветок с названием, которое всегда смешило Натку – Ванька Мокрый. Ванька был маминым любимцем, она тщательно за ним ухаживала и радовалась, как девочка, когда Ванька начинал цвести мелкими розоватыми цветочками. Натка вспомнила, как маленькой, любила слизывать с Ваньки прозрачные сладкие капельки, бисеринками блестящие на тонких, как волосы, зеленых стебельках. Натка помогала головой.

– Можно, я у вас побуду? – спросила она.

– Конечно, Натка, оставайся! – сказал дядя Сережа. – Я тебе, вон, на раскладушке постелю, ты уж извини, что так, по-военному, без перин. Я понимаю тебя, дочка, дома тебе страшно будет. Так что, давай, оставайся, сейчас чай попьем и спать. Утром я тебя рано подниму...

...Натка долго не могла уснуть, лежа на скрипучей раскладушке и слушая, как дышит во сне дядя Сережа. Она смотрела в потолок, по которому иногда проползали светлые прямоугольники – под окнами проезжали машины. Там, за окном, продолжалась жизнь. Люди, как обычно, шли по домам, закончив свои дела, зажигали свет в квартирах, пили чай, смотрели телевизор. Натка вспомнила, как она с родителями, смотрела телевизор по вечерам, после ужина, который готовила мама. Они смотрели какие-нибудь фильмы, в которых были честные и благородные главные герои и отвратительные, подлые их противники. И отец всегда комментировал эти фильмы. А мама улыбалась, слушая, как ее муж, с жаром, объясняет своей дочке, почему именно так, поступил положительный герой и в чем подлость поступков отрицательных героев. Натка слушала очень внимательно, стараясь запомнить, что такое «честь», «благородство» и «честность». А сейчас, Натке казалось, что весь мир, просто не имеет права делать вид, что ничего не произошло. Она вдруг вспомнила, что до ее дня рождения, осталось два дня и ей стало стыдно, что она может думать о каких-то праздниках, когда родители ее погибли... Именно в этот вечер, лежа на скрипучей раскладушке, под синим солдатским одеялом с тремя черными полосками, Натка Соловей, постигала трудную науку взросления, глотая горькие слезы. Наконец, она закрыла глаза и забылась тяжелым, точно беспмятство, сном...

...Утром, дядя Сережа, не стал будить Натку, как обещал, а тихонько вышел куда-то, мягко притворив дверь. Натка, сквозь сон, слышала, как он разговаривал с кем-то, в коридоре, а потом вернулся и разбудил Натку, мягко тронув за плечо.

Натка быстро встала, оделась, они попили чай с белым хлебом и малиновым вареньем, и поехали на УАЗике дяди Сережи, к нему на аэродром. Дядя Сережа велел Натке ждать его в машине, а сам убежал куда-то, за ворота своей воинской части. Потом, они ездили в какое-то учреждение, откуда дядя Сережа вернулся мрачным, сердитым, с какими-то бумажками. Потом они поехали в еще одно место, которое очень напугало Натку. Это была ритуальная мастерская, где они с дядей Сережей, купили два гроба. Эти гробы, красные, с черными кружевными оборками, очень напугали Натку. Они были страшными, эти нарядные гробы. Натка, наконец, стала с горечью осознавать, что гибель родителей – это правда. Эти гробы, были вещественным подтверждением этой страшной правды. Уплатив за гробы, дядя Сережа, отдал распоряжение двум солдатам, которые приехали к мастерской на военном ЗИЛе, погрузить гробы в грузовик, а потом долго что-то им объяснял, стоя возле кабины ЗИЛа. Солдаты, кивнув, сбегали в мастерскую и вскоре вышли оттуда, с большим ворохом венков с пластмассовыми цветами. Погрузив венки в свой ЗИЛ, солдаты уехали. Натке очень не нравилось то, чем они занимались с дядей Сережей – эти гробы, венки, железный памятник, который они погрузили в багажник УАЗика, казалось, опутывали сердце Наташи, какими-то холодными колючими проволоками, причиняя нестерпимую боль и заставляя плакать. Наконец, они приехали к дому Наташи, где в большой комнате, на табуретках, стояли те самые гробы.

Натка испуганно заглянула в квартиру. В прихожей, как она и ожидала, висело мамино пальто и портупея отца. Натка заглянула в комнату, и при виде гробов, у нее остановилось сердце. Она поняла, кого она увидит в этих нарядных деревянных ящиках. С трудом ступая на ватных ногах, Натка подошла к гробам. И если до этой секунды, все происходящее, казалось ей неправдой, каким-то злым розыгрышем, то сейчас, увидев бледные, восковые, и какие-то чужие, лица родителей, с бесцветными губами и пергаментными закрытыми веками, Натке стало дурно. Закружилась голова и все ее естество, отказывалось верить в то, что видят ее глаза. Реальность происходящего, обрушилась на нее со всей тяжестью. Натка сползла по стене на пол и услышала, как рядом кто-то страшно кричит, завывая. Через несколько секунд, она поняла, что кричала и завывала она сама...

...А потом было Лесное кладбище. Натка, как в тумане, смотрела на две свежие могилы и холмики земли рядом с ними, так похожие на кучки соли с перцем. У могил стояла шеренга солдат – пограничников, с автоматами за плечами. Натка не верила, что все это происходит на самом деле и что совсем скоро, ее родителей, опустят в эти грязные ямы и зароят этой черной, перемешанной со снегом, землей. Навсегда... Натку больно уколол смысл этого страшного слова. У гробов, появлялись какие-то люди, что-то говорили, но Натка не слушала их. Она боролась с яростным желанием, прогнать и этих людей, и этих солдат с автоматами, чтобы они, наконец, смогли пойти домой, поужинать, а потом посмотреть какой-нибудь фильм, где благородные герои побеждают подлецов и негодяев. Но Натка знала, что такого уже не будет. Не будет никогда... Именно в этот момент, стоя у двух могил и не обращая внимания на липкие хлопья снега, которыми ветер старался залепить ей лицо, Натка постигла ещё один тяжелый урок, урок своего взросления... Наконец, солдаты стали заколачивать гробы гвоздями, и каждый удар их молотков словно убивал в Натке радость и счастье. Гробы опустили в могилы и люди стали бросать на них горсти мерзлой земли. Комки грязи, с отвратительным звуком, барабанили по крышкам гробов. Бросила свои горсти и Натка. Не дождавшись страшного звука, она подумала вдруг, что ее комки мокрой мерзлой земли, улетели напрямик на тот свет, туда, в подземное царство мертвых, куда сейчас отправлялись ее родители. Отправлялись навсегда... Солдаты с автоматами, снова построившись, трижды дали залп в небо. Это были последние звуки этого дня, которые навсегда врезались в память Натке. Именно эти залпы из автоматов возвестили жестокому и равнодушному миру, что Натка Соловей стала взрослой на пороге своего шестнадцатилетия... Навсегда...

...А потом были поминки, которые дядя Сережа организовал в офицерской столовой воинской части, в которой служил отец. Люди, многих из которых, Натка видела в первый раз в жизни, вставали, говорили какие-то слова, но смысл этих речей ускользал от Натки – она чувствовала себя очень уставшей, какой-то сломленной и разбитой. Она безучастно сидела за столом, отрешенно разглядывая людей, которые ели, пили, курили, о чем-то тихонько разговаривали. Вокруг стоял звон посуды, звяканье ложек и вилок о тарелки. Натка снова удивилась, как могут люди, в такой день, спокойно есть и пить водку, когда мир опустел. В память Наташи, врезалась стайка тоненьких изящных девочек в черных платьях – это пришел на похороны мамин танцевальный ансамбль. Натка смотрела на этих девочек, возмущенно думая о том, как они, наверное, наряжались в эти красивые, пусть и черные платья, подбирая, наверняка, к ним туфли, красились, каждая, перед зеркалом у себя дома. И ей казалось, что люди просто не имеют права на повседневную жизнь, когда такие прекрасные люди ушли из жизни. На лицах девочек из ансамбля были черные потеки от туши для ресниц, они плакали. И, совершенно не к месту, Натка вдруг подумала о том, что и ей, нужно было надеть черное строгое платье и накрасить глаза, чтобы ходить сейчас, как положено, в черном платье, а не в школьной форме и с черными потеками на щеках...

...После поминок дядя Сережа отвез Натку домой. Дома было тихо и как-то очень холодно. Натка прошла, не снимая обуви, в комнату и села на диван. Вот на этом диване, с темно-зеленой обивкой с желтыми узорами, каждый вечер и смотрели они телевизор. Телевизор стоял на своем месте, с завешанным каким-то черным платком экраном. Черными тряпками были закрыты и все зеркала в доме. Дядя Сережа хозяйничал на кухне, разогревая какую-то еду – видимо, что-то осталось от поминок. Он позвал Натку за стол. Натка молча повиновалась, села за стол, глядя на тарелки с едой. Есть ей совершенно не хотелось. На окне стоял Ванька Мокрый, усыпанный набрякшими бутонами. Дядя Сережа все уговаривал Натку поесть, но та только мотала головой. Наконец, она встала, подошла к деревянной полочке, которую отец делал сам, сняла с полки красную большую кружку, сказав тихонько дяде Сереже, что чай она, пожалуй, попьет. Натка поставила кружку на стол, дядя Сережа засуетился с чайником и вдруг, нечаянно, локтем, смахнул кружку на пол. Та разлетелась на миллион осколков. Натка, увидев это, вдруг почувствовала такую нестерпимую боль в груди, что села на пол, среди этих красно-белых осколков, стала собирать их в ладонь, отчетливо понимая, что уже ничего не исправить, ни с этой красной кружкой, ни с ее жизнью. Не исправить никогда... Она сидела на кухне, на полу, держала в руке осколки кружки и рыдала, по-бабьи, в голос, каким-то уголком сознания, понимая, что она очень некрасиво сейчас кривит рот, из которого, натужно, вылетали завывания. Натка рыдала, и вместе со слезами, уходил от нее этот страшный день похорон ее родителей. Уходил навсегда...

Глава 2

...Ночевать Натка осталась дома. Ей вдруг, захотелось побыть там, где она была счастливой. Натка понимала, что ничего уже не исправить, и что она, Наталья Соловей, осталась на этом свете одна и должна быть самостоятельной. Но ее очень пугали, и эта, неожиданно свалившаяся на нее, самостоятельность, и неизвестность впереди. Отец часто говорил Натке, что человек сам выстраивает свою судьбу и сам отвечает за то, что с ним происходит.

– Главное, Наталка, чтобы совесть была чиста! – улыбался отец и его карие глаза светились любовью. – Как говорится, береги честь смолоду, дочь!

Натка сидела на диване и представляла длинную дорогу, которая открылась перед ней. Куда ведет эта дорога? Где найти сил и ума, чтобы пройти эту дорогу, не потеряв честь и не запачкать совесть? У кого спросить, где повернуть в нужный момент? Не у кого спросить! Она осталась одна, один на один, с этой дорогой, ведущей за горизонт. Натка подошла к книжной полке, на которой стояли книги, любовно собранные отцом. В основном, это были книги из серии «Жизнь Замечательных Людей»

– Вот, дочь – говаривал отец иногда, указывая на корешки этих книг – Вот они, наши путеводные звезды! Когда не знаешь, как поступить, спрашивай у них! Уж они-то, точно знали, как правильно, а как нет! И их судьбы – лишнее этому подтверждение!

Натка смотрела на корешки книг с тремя буквами «ЖЗЛ» и горестно размышляла о том, как было бы здорово, если бы среди этих томов, стояли еще две книги: «Соловей Владимир Михайлович» и «Соловей Маргарита Игоревна».

«Вот с этих замечательных людей я и хотела бы делать свою жизнь» – подумала Натка. Взгляд ее упал на большую фотографию в рамке: лейтенант, похожий на адъютанта его превосходительства, а рядом с ним – хрупкая, изящная, ангельски-красивая девушка в свадебном платье. Оба счастливо улыбаются, стоя на фоне маяка «Токаревская кошка» – места, где, как утверждают коренные владивостокцы, начинается Тихий океан.

«Они такие красивые на этой фотографии» – подумала Натка. – «И такие счастливые! И такие живые!» – от последней мысли у Наташи закружилась голова, она обессиленно опустилась на диван и заплакала, закрыв лицо руками...

...Натка не спала всю ночь. Она ходила по квартире, рассматривая вещи родителей, прикасаясь к ним, думала, что каждый предмет хранил память об их прикосновениях. За окном пошел снег, стирая следы на тротуарах, засыпая белыми перышками снежинок колеи машин. Натка, внезапно, представила, как снежинки падают на серый железный памятник с двумя фотографиями и двумя именами, на два могильных холмика и на следы людей, которые приходили сюда прощаться с ее родителями. Она подумала, что утром кладбище снова станет белым, чистым, словно и не было этих похорон, и шеренга солдат-пограничников не давала залп из автоматов в серые тяжелые тучи, из которых падали мокрые снежные хлопья...

...А утром, пришла Розочка. Натка, как одурманенная от бессонной ночи и от слез, совершенно механически, сама удивляясь тому, что делает, угостила классную руководительницу чаем и бутербродами с сыром.

Они сидели за столом на кухне как две взрослые женщины, Розочка нудно говорила Натке, что ей нужно учиться, что скоро конец года и нужно серьезно подумать о том, куда пойти после восьмого класса – в девятый класс, чтобы после окончания школы, пойти в институт, или уйти из школы и пойти, например, в училище, чтобы получить рабочую специальность.

Натка слушала Розочку, понимая, что говорит она, в принципе, очень правильные вещи, но в душе, она не хотела принимать никакие решения.

«Это что, так и бывает?» – подумала Натка – «Вот так, ночь прошла, а утром, ты уже взрослая и должна что-то решать?» Натке все это не нравилось. Она с раздражением смотрела

на Розочку, с ее вечной бомбошкой на затылке, отметив, с какой-то угрюмой злостью, что бежевый костюм, сидит на учительнице, идеально, подчеркивая стройную фигуру. Натке хотелось вскочить, закричать на бубнящую классную, выгнать ее на улицу, под снегопад. Но она, конечно, ничего этого не сделала, а просто молча слушала, кивая, время от времени, головой. Наконец, Розочка ушла. Натка умылась, попила чаю и села на диван, наморщив нос, думая о том, как ей жить дальше...

...Под вечер, пришел дядя Сережа.

– Натка, ты как тут? – спросил он с порога, снимая шинель – Я тебе поесть принес! – дядя Сережа показал судок из трех блестящих кастрюлек, стоящих одна на другой. – В офицерской столовой взял! Пошли, поешь, пока теплое еще!

Они пошли на кухню. Дядя Сережа поставил перед Наткой свои кастрюльки, запах из которых напомнил, что Натка голодная.

Натка села за стол, стала есть очень вкусный офицерский обед.

– Натка, давай-ка поговорим с тобой – тихо сказал дядя Сережа и сел напротив. – Ты сейчас взрослая, надо думать, как тебе дальше жить.

«Сейчас начнет, как Розочка, про училище, про институт!» – с раздражением подумала Натка. Но вслух она ничего не сказала, только плечами пожала.

– Помнится, Володя говорил, что ты в военное училище хотела? – неожиданно спросил дядя Сережа. Это была правда, Натка, действительно, подумывала о военном училище и даже обсуждала это с родителями.

– Хотела, – ответила Натка.

– Ну, так вот, – сказал дядя Сережа. – Я позвонил, кому следует, поговорил и договорился! Примут тебя в одно очень интересное училище!

– Это как? – удивилась Натка. – А экзамены?

– А считай, что ты их уже сдала, – ответил дядя Сережа. – В общем, так, Натка. – Давай, собирайся, завтра летим с тобой в Москву, а оттуда – в Свердловск, это на Урале. Там и ждет тебя твое училище.

– А школа? – робко спросила Натка.

– Со школой я договорюсь! – сказал дядя Сережа и улыбнулся. Натка оторопела – впервые за последнее время, она видела человеческую улыбку. И в то же время, ей показалось, что дядя Сережа, улыбнувшись, совершил что-то нехорошее, какое-то кощунство. Натка задумалась, наморщив нос. Вот она, взрослая жизнь! Ей нужно что-то решить, взять ответственность за то, как сложится ее биография дальше. Было немного страшно. Натка, как ей показалось, взвесила все за и против и кивнула.

– Хорошо, давайте в военное! – сказала она. – Буду... А кем я буду?

– Как отец, офицером – ответил дядя Сережа – Да и ведомство, то же самое, что и у отца – Госбезопасность!

«Наталья Соловей, офицер госбезопасности» – подумала Натка, как будто пробуя на вкус, название своей будущей профессии. Она подумала, что будет очень правильно, пойти по стопам отца и стать офицером.

– Хорошо, я согласна, – тихо сказала Натка. – Хочу, как папа...

– Вот и славно! – сказал дядя Сережа. – Давай тогда, Натка, собирай вещи, к утру будь готова! Чемодан есть у тебя?

– Да, есть, коричневый, с которым я в пионерлагерь ездила, – сказала Натка. Пионерлагерь... Ей казалось, что это было очень давно!

«Так оно и было очень давно» – подумала Натка. – «Еще в прошлой жизни, в детстве»...

– Вот и славно! – кивнул дядя Сережа. Тогда собирай свой коричневый чемодан, утром я за тобой заеду! Ты, главное, поешь и поспи – а то смотри-ка, синячищи какие под глазами! Ты

же красавица, Натка, тебе эти круги под глазами ни к чему! – и дядя Сережа опять улыбнулся – Ты же девушка, а не очковая змея!

Натка, неожиданно для себя, улыбнулась.

– Вот и молодец! – увидев улыбку на лице Наташи, сказал дядя Сережа, надевая шинель. – Все, Натка, утром жди меня! И чемодан не забудь собрать!

– Хорошо. – Сказала Натка. – До свидания!..

...Утром, дядя Сережа приехал рано. Он беспрестанно торопил Натку, приговаривая, что времени у них мало и военный борт, на котором они летят, ждать их не будет.

– Привыкай, Натка, к военному порядку! – хохотнул дядя Сережа – О, смотри-ка, стих получился!

«Натка. Новое имя?» – подумала Натка. – «Ну а что, в новую жизнь, с новым именем! Пусть будет Натка, мне даже нравится!» Она слушала, как дядя Сережа, по-военному четко, рассказывал ей, как они полетят: сначала, на военном самолёте, до Москвы, а оттуда, уже на гражданском, до Свердловска.

– Ты не бойсь, Натка, до Москвы долетим быстро, это же ВВС! – с гордостью говорил дядя Сережа. Натка смотрела на него, удивляясь, как, все-таки, похож он на отца: такие же усы, такая же сильная, мужественная фигура, такие же четкие движения. Такой же красивый, с такими же карими глазами. Даже голос, очень был похож на голос отца. Форма летчика, сидела на нем, как влитая. Натка вспомнила, как маленькой, любила качаться на «Дядьрежиной» ноге. – Тот садился нога на ногу, сажал Натку верхом на ногу и, держа ее за руки, начинал раскачивать, приговаривая: «Едем-едем, видим – мост. На мосту лежит ворона. Мы возьмем ее за хвост и положим под мост – пусть мокнет! Едем – едем, видим мост. Под мостом лежит ворона. Мы возьмем ее за хвост и положим на мост – пусть сохнет!» И Натка, маленькая, залиvisto смеялась и просила: «Еще! Еще, Дядьрежа!» И дядя Сережа, качал ее все сильнее, еще быстрее приговаривая свой чудной стишок про ворону, которая то мокнет, то сохнет. И мама, глядя на то, как подпрыгивает Натка, на Дядьрежиной ноге, смеялась, прикрывая, почему-то, тонкой ладошкой рот. Натка вздохнула, прогоняя не вовремя накатившие воспоминания, надела любимый свой красный свитер с вывязанной на груди белой чайкой и синие джинсы. Свитер этот связала ей мама, на прошлый день рождения. Натка вдруг вспомнила, что у нее день рождения, и ей стало так грустно, что, невольно, тихие слезы навернулись на ее глазах. Она быстро, чтобы не увидел дядя Сережа, смахнула их ладошкой и стала надевать черную короткую шубку. Быстро обулась в красные сапожки, надела красные варежки, связанные мамой из остатков шерсти от свитера, повязала красный шарфик. Взяла в руку чемодан.

– Я готова. – Сказала она.

– Вот это я понимаю! – похвалил дядя Сережа. – Сразу видно, что будущий офицер!

– Офицер госбезопасности – поправила Натка и легонько улыбнулась. Ей больше не казалось, что никто в мире, и даже она сама, не имеют права улыбаться.

– Да, верно, извините, Наталья Владимировна, будущий офицер госбезопасности! – улыбнулся дядя Сережа. – Ну, Натка, пошли?

– Пошли – ответила Натка. Ей вдруг представилось, что сейчас они откроют эту, обитую зеленым дерматином дверь, и за ней – та самая, настоящая, взрослая жизнь.

«А ведь, так оно и есть», – подумала Натка и шагнула за порог...

...Натка не ожидала, что лететь придется так долго. Восемь часов они летели до Москвы, и Натка думала, какая же, оказывается, большая страна, в которой она живет. Натка немного расстроилась, что в иллюминатор не было видно ничего, кроме облаков. Правда, периодически, в прорехи между облаками, которые были похожи на огромные комки ваты, она могла видеть землю – темно-зеленый ковер тайги, который разрезали, отблескивающие на солнце, реки, похожие на ртутные ручейки. Натка смотрела на проплывающие облака, на эти бескрай-

ние просторы лесов и думала о том, что вот она, Наталья Соловей, летит учиться на офицера, чтобы скоро защищать свою великую Родину.

– Настоящий офицер, Натка – как-то раз сказал ей отец, когда она спросила, что такое офицер, – чувствует ответственность за всю свою Родину. Он обязан сделать все, чтобы она жила в мире, и ни один враг не посмел причинить зло людям, которые живут в этой стране. На офицерах, лежит особая задача – жить и служить так, чтобы людям жилось спокойно, и они гордились своей страной, зная, что она самая сильная в мире, и никто не посмеет даже подумать о том, что можно воевать с Россией.

– НО ведь наша страна не называется Россия – сказала тогда Натка.

– Да, не называется – согласился отец. – Но все равно, как бы ни называлась страна, это великая Россия! Понимаешь, дочь?

Натка не поняла тогда, почему отец так сказал, но сейчас, своими глазами увидев, насколько огромна Россия, она, кажется, начала понимать, о чем отец тогда говорил...

...Когда прилетели в Москву, выяснилось, что самолет до Свердловска, будет только вечером. Натка, было расстроилась, но дядя Сережа успокоил ее, пообещав, что они сейчас поедут на ВДНХ.

– А Кремль? – спросила Натка.

– Хочешь Кремль? – спросил дядя Сережа. Натка кивнула. – Хорошо, будет тебе Кремль!

– ВДНХ, тоже хочу – поспешно сказала Натка. Ей очень захотелось, за несколько часов, посмотреть все, что можно. Увидеть и Кремль, который она видела только на картинках и по телевизору, посмотреть и ВДНХ, где, как рассказывали им в школе, очень много интересного. Школа... Натка вспомнила, вдруг, про школу. Вспомнила своих одноклассников, учителей, Розочку с ее бомбошкой, Боцмана с прокуренными усами. Это все осталось где-то там, далеко позади, в ее детстве. Она знала, что дядя Сережа, еще вчера, договорился с Боцманом и забрал ее документы. Сейчас, эта светло-зеленая папка с белыми шнурочками лежала в Наткином чемодане...

...Кремль, как и Красная площадь, показались Натке какими-то маленькими. Она всегда думала, что Кремль, обязательно, должен быть огромным. Но он был маленьким, да еще, к разочарованию Натки, оказался сложен из обычного красного кирпича. А Красная площадь – обычная брусчатка, точь-в-точь, как в ее родном Владивостоке на Привокзальной площади.

«Интересно, когда я теперь смогу снова оказаться во Владивостоке?» – подумала Натка и немного загрустила.

А вот ВДНХ ей очень понравилась: от забавных РАФиков с вагончиками, на которых посетители могли ездить от павильона к павильону, до кинотеатра «Круговая панорама», где они с дядей Сережей, посмотрели короткий фильм про море и дельфинов, стоя в центре круглого зала, стены которого и были экраном. Ей понравилось, как плескалось море вокруг них, как резвились блестящие, как будто лакированные, дельфины. Понравилась и столовая, в которой тарелки с едой ехали на конвейере. В столовой они вкусно поели и поехали в аэропорт. До Свердловска, они летели часа два, и после восьмичасового полета от Владивостока до Москвы, этот перелет показался Натке чуть ли молниеносным. В аэропорту, дядя Сережа взял такси, они сели на заднее сиденье. Натка во все глаза стала смотреть в окно машины, но сначала, они ехали по какому-то лесу. А потом, появился город. Свердловск сразу понравился Натке – он был красивым, со старинными зданиями. Очень понравился Натке цирк – необычный, состоящий из белых дуг, которые смыкались вверх – словно с купола, сорвали всю обшивку, оставив один каркас. Водитель в зеркальце поглядывал на Натку, видимо, заметив, как жадно она смотрит на город.

– В первый раз в Свердловске? – спросил водитель – молодой, веселый парень.

– Да, в первый – ответил дядя Сережа. – Учиться, вот, приехали!

– Учиться – это хорошо! – сказал таксист, изо всех сил, видимо, пытаясь показаться взрослым. – Ученье – свет!

– Ага. А неученых – тьма! – с усмешкой сказал дядя Сережа, и таксист, почему-то обиравшись, замолчал. Дальше, до самого училища, они ехали молча...

...Училище очень удивило Натку. Она ожидала увидеть старинное здание, с колоннами и львами перед входом, а увидела, какие-то железные ворота, кирпичные корпуса за бетонным забором, по верху которого тянулись несколько рядов колючей проволоки. На кирпичном домике КПП, Натка с удивлением увидела красную табличку, на которой желтыми буквами было написано: «Комитет государственной Безопасности СССР. Учебный полигон № 17-440/12»

Они вышли из машины.

– А это точно училище? – неуверенно спросила Натка.

– Точно, Натка, не сомневайся! – ответил дядя Сережа. – Точнее не бывает! Самое, что ни на есть, училище! Пошли, Натка, не бойся! Все хорошо будет!

Дядя Сережа постучал в железную дверь домика КПП, открыл ее молодой совсем сержант с АКСУ на плече. Увидев погоны дяди Сережи, сержант отдал честь, но с дороги не уходил.

– Я Соловей Сергей, – сказал дядя Сережа. – Меня ждут.

– Секундочку, подождите, пожалуйста, товарищ капитан. – Сказал сержант и ушел в домик. Появился он буквально через минуту, с каким-то листком в руке, в который заглядывал.

– Капитан Соловей и племянница, Наталья Владимировна, верно? – спросил сержант. – Документы ваши можно?

– Да, конечно! – сказал дядя Сережа и протянул сержанту, свой военный билет и Наткин паспорт. Сержант, очень тщательно, изучил документы, посветив фонариком в лица Натки и дяди Сережи.

«Хоть бы извинился, за то, что ослепил!» – подумала с раздражением Натка.

Сержант снял с металлического телефона, висевшего тут же, у двери, тяжелую черную трубку.

– КПП, – сказал он в телефон. – Сержант Гринчук. Здесь капитан Соловей, с племянницей, Натальей. Да, так точно, проверил. Есть, товарищ подполковник, сделаю. – Сержант повесил трубку.

– Пожалуйста, проходите, – сказал он, открывая дверь пошире.

Натка очень удивилась, войдя в помещение КПП. Это было совсем не то, что она привыкла видеть, когда ездила с отцом по воинским частям. Довольно уютная комнатка, с диваном, телевизором, по которому шла трансляция какого-то хоккейного матча, с картинами на стенах: традиционные репродукции Айвазовского, Шишкина, в золотых рамах.

– Сейчас к вам придут, – сказал сержант, вешая свой автомат на крючок на стене. – Присаживайтесь, подполковник Бондаренко сейчас подойдет.

Дядя Сережа и Натка сели на диван. Натке начало нравится это странное училище, которое больше напоминало какой-то пионерлагерь.

В комнату вошла, а точнее, вплыла, невероятно красивая женщина с длинными темно-русыми волосами, в которых блестели, как звездочки, капельки растаявших снежинок. Женщина была в шикарной рыжей шубе, тоже в хрустальных капельках, и в высоких сапогах на высоченных каблуках.

– Здравствуйте, товарищ капитан! – мелодичным, очень красивым голосом, сказала женщина, усаживаясь на стул и закидывая ногу на ногу. Натка успела заметить, какие красивые у женщины ноги, которые почти не скрывала темно-зеленая юбка.

«Как артистка» – по-детски наивно подумала Натка, невольно залюбовавшись красотой.

– А ты, очевидно, Натка? – спросила у Натки женщина. От нее очень вкусно пахло какими-то, явно дорогими, духами, на лице – идеальный макияж. Натка кивнула. Рядом с этой богиней, она вдруг засмузилась, почувствовав себя нескладной и нелепой.

– Ну, вот и познакомились! – улыбнулась красавица. – А меня зовут Анна. Анна Бондаренко.

– Товарищ подполковник? – удивленно спросил дядя Сережа. Натка тоже удивилась. «Это разве подполковник?» – подумала она с недоумением. – «Очень странное училище!»

– Да, товарищ капитан – улыбнулась Анна. – Подполковник Бондаренко, куратор вашей племянницы. Давайте документы посмотрим?

– Да-да, конечно! – как-то засуетился, смутившись, дядя Сережа. Он достал из Наткиного чемодана светло-зеленую папку, протянул Анне. Та развязала шнурки на папке, начала изучать документы.

– Так. – Приговаривала она. – Это из школы. Отлично! Характеристика из секции айкидо. Натка, ты айкидо занималась?

– Да, два года. – Сказала Натка.

– И как?

– Отлично, товарищ подполковник. – Сказал с гордостью, дядя Сережа. Видимо, ему захотелось, по-мальчишески, произвести впечатление на эту красавицу. – На городских соревнованиях, три раза первое место занимала!

– Солидно – кивнула Анна. – Молодец! О, и танцы?

– Да... – прошептала Натка. – Мама... – она неожиданно всхлипнула, злясь на себя за такую детскую выходку, вздохнула, взяв себя в руки. – Мама была руководителем танцевального ансамбля.

– Да, вижу – сказала Анна, взглянув на Натку, и явно, оставшись довольной тем, как быстро смогла собраться Натка. – Ну что же, товарищ капитан, все хорошо. – Анна улыбнулась. – Мы берем Натку в училище.

«Так просто?» – удивилась Натка. – «Просто, полистала бумажки, и уже берем?»

– Вот и славно! – облегченно сказал дядя Сережа.

– Теперь для вас, товарищ капитан. Прошу запомнить. Посещения – только по предварительному согласованию со мной! Письма, посылки – все это только приветствуется, но посылки – тоже, по согласованию, чтобы не было неприятных недоразумений. Что касается одежды и прочего, не волнуйтесь, всем обеспечим. Адрес свой я вам дам, пишите, если будет необходимость. Сведения об успехах Наташи, буду присылать вам регулярно, по итогам полугодий. Учиться Натка будет пять лет.

«Пять лет!» – с испугом подумала Натка. – «Когда окончу, совсем старая буду!»

– По окончании – продолжила Анна – девочки сразу приступают к самостоятельной работе. Возможно, что и за границей!

– Это хорошо! – сказал дядя Сережа, не сводя глаз с Анны. – Мир посмотришь, Натка! Скажите, товарищ подполковник...

– Анна – поправила Анна.

– Анна – сказал дядя Сережа. – А специальность какая?

– Вы знаете. – Усмехнулась Анна. – Как говорят в плохих фильмах про шпионов, если я вам скажу, то мне придется... Как говорится, государственная тайна.

– Понимаю – кивнул дядя Сережа.

– Ну что, Натка, прощайтесь, и пойдем со мной! – сказала Анна, вставая.

– До свидания, Сергей Михайлович – Анна и дядя Сережа, пожали руки.

Натке стало вдруг очень страшно. Ей не хотелось прощаться с дядей Сережей. Но, в то же время, ее одолевало сильнейшее любопытство: что это за училище такое, где работают такие красавицы? И что это за специальность такая, которую нельзя называть?

«Что там она про кино говорила?» – подумала Натка. – «Точно, шпионы! Неужели, это шпионское училище?» – по-детски наивно подумала Натка, и ей стало еще любопытней. Она почувствовала, что она больше не боится и наоборот, даже хочет идти за этой красивой женщиной – подполковником.

– Ну, Натка. – сказал дядя Сережа, обнимая Натку крепко, и, погладив по голове. – Давай, Соловей, учись, как следует, не позорь семью! Ты же, продолжатель наших традиций! Пиши мне, слышишь?

– Хорошо, дядя Сережа – прошептала Натка и вдруг почувствовала, как по щекам показались слезы. – Вы мне тоже пишите! Она обняла дядю Сережу, и тот вышел из КПП. Железная дверь, щелкнув замком, закрылась за ним, и Натка почувствовала, как делает она еще один шаг к взрослой жизни...

– Пойдем со мной, Натка. – Сказала Анна, выходя из домика КПП через дверь, которая вела на территорию училища. Натка осмотрелась: в центре была большая площадка – что-то вроде стадиона. По периметру – корпуса из белого кирпича, пятиэтажки. Одно из строений – двухэтажное. К нему, по тропинке между аккуратно выровненных сугробов и вела Натку Анна. Они вошли в довольно большой холл.

– Итак, Натка, – сказала Анна – направо – столовая. Налево – жилое помещение и спальни девочек. На втором этаже – кабинеты преподавателей. Курсанток немного, двадцать человек. Сейчас мы пойдем в мой кабинет и немного поболтаем, ладно?

– Хорошо. – Ответила Натка, удивляясь, насколько здесь все не похоже на училище. – Товарищ... – начала было она.

– Зови меня просто Анна – сказала красавица подполковник. – И можно на «ты», договорились?

– Хорошо, – удивляясь все больше, сказала Натка. – Анна, а где классы, где учебные кабинеты?

– Молодец, наблюдательная! – улыбнулась Анна. – Это все в других корпусах. – И аудитории, и учебные классы, увидишь сама, когда начнешь обучение. – Анна поднялась на второй этаж. Натка за ней. Анна остановилась у двери с красной табличкой, на которой было написано «Куратор А. Бондаренко», достала из кармана ключ и открыла кабинет.

– Проходи, Натка, садись, где удобно. – Пригласила Анна, впуская Натку. Кабинет был уютным, каким-то домашним. Светло-бежевые стены, мягкий свет, диван, два кресла, шкаф с книгами и второй шкаф, с непрозрачными дверцами, рабочий стол с множеством бумаг и тетрадей на нем. На стене – карта мира. Натка села в одно из кресел. Анна села в кресло рядом и очень грациозным движением, отбросила рукой за спину, свои волосы, одновременно с этим, закидывая ногу на ногу. Натка невольно залюбовалась, как красиво двигается эта невероятная женщина, завидуя, что она сама, не такая красивая.

– Итак, Натка, – сказала Анна, мягко прихлопнув ладонью по подлокотнику кресла. – Начинается твое обучение с завтрашнего дня. Подъем – в пять утра. После подъема – душевая, потом зарядка, завтрак. После завтрака – первый блок занятий. Потом – обед. После обеда – час свободного времени, потом опять занятия. График, как видишь, очень плотный. Отбой – в десять вечера. Плюс, в день рождения или на праздники у девочек свободный день.

– А у меня... – начала было Натка.

– Я знаю, – ответила Анна, улыбнувшись. – Был день рождения. Но, как ты понимаешь, свое право на свободный день ты получишь, только через год. Сейчас ты пойдешь к девочкам, знакомиться. Пока все живут в общей спальне. Потом, когда часть курсанток отсеется, жить будете, в отдельных комнатах.

– Как отсеется? – не поняла Натка.

– По итогам каждого года, проводится контрольная проверка по всем дисциплинам. Те девочки, которые не проходят проверки, отсеиваются и направляются на работу в МВД, КГБ

или другие силовые структуры. На улицу, как видишь, мы никого не выгоняем! Но я хочу верить, что ты дойдешь до конца, Натка!

– И что тогда? – спросила Натка.

– Из тех, кто остается, формируются боевые группы, – ответила Анна. – И направляются на самостоятельную работу.

– Шпионами? – краснея от собственной наивности, спросила Натка.

Анна улыбнулась.

– Не совсем шпионами, но направление мысли, у тебя верное. Вообще, мы называем эти группы «Автономными кадровыми единицами», или «Средствами оперативного реагирования на контактные сценарии».

– Хитрое название, – сказала Натка. – Не сразу и разберешь, что оно означает!

– Так ты же видела, какому ведомству принадлежит училище. – Сказала Анна наставительно. – Привыкай к профессиональной терминологии. И последнее, Натка. Я – твой куратор, то есть, что-то вроде классного руководителя. Только в классе этом – ты одна. Так вот. Я помогу тебе с любыми вопросами. Как только появится что-то непонятное, ты знаешь, где меня найти. Ко мне можно, как к подружке – с плохим настроением, со сломанным ногтем, с любыми девчачьими секретами. Договорились?

– Договорились. Только это, не классный руководитель, получается, а старшая сестра, – сказала Натка и наморщила нос, размышляя. – Значит, мы должны доверять друг другу?

– Совершенно верно, Натка! – похвалила Анна. – А ты молодец! А что нужно, чтобы было доверие?

– Нужно, чтобы все было по-честному – ответила Натка, вспомнив, как отец учил ее когда-то, что честность, порождает доверие, а ложь, убивает его.

– Верно, Натка! Или, лучше звать тебя Натка?

– Давайте лучше Натка. – Ответила, подумав, Натка.

– Хорошо, договорились! – улыбнулась Анна. – Только «давай», а не «давайте», договаривались же! Пойдем, сходим в столовую, чтоб тебя покормили, а потом – в спальню, к девочкам...

...Столовая Натке очень понравилась. Она больше была похожа, на какое-то кафе – квадратные столики на четверых, светло-зеленые стены, аккуратные шторы на окнах и скатерти на столиках.

– Девочки, добрый вечер! – сказала Анна, входя в столовую. Из окна раздачи, выглянула симпатичная женщина в белой косынке.

– Марина, – сказала Анна. – У нас новенькая, нужно покормить. Найдешь, чем?

– Конечно, найду, Анна Николаевна! – ответила Марина и тут же вышла из двери, видимо, ведущей на кухню, с подносом, на котором стояли тарелки с едой.

– Садись, красавица – сказала Марина, составляя тарелки на ближайший к Натке столик.

«Красавица?» – удивленно подумала Натка – «Она что, шутит?»

Натка села за столик. Марина принесла ей салат из помидоров, макароны с двумя аппетитными котлетами, стакан компота и несколько кусочков белого хлеба. Едва взглянув на еду, Натка поняла, как проголодалась она во время их, с дядей Сережей, путешествия через всю страну.

– Это Натка. – сказала Анна. – Прошу любить и жаловать! Она из Владивостока.

– Ого! – удивилась полноватая Марина. – Далеко! А, правду говорят, что во Владивостоке, красную икру, бидонами продают?

Натка улыбнулась.

– Нет, неправда – сказала она. – Сколько там жила, такого не видела. Крабов, да, продают. И мясо китовое.

– Ишь ты! – удивилась Марина. – А кит вкусный?

– Да, вкусный – ответила Натка. – Мясо красное, на вкус – как говядина. Котлеты из него очень вкусные, если свининки добавить! Но ваши, тоже очень вкусные!

– Ты смотри, головастая какая! – удивилась Марина, явно оценив тактичность Натки.

– Других не держим, Марина. – Сказала Анна с гордостью. – Ну что, Натка, поела?

– Да, Анна, спасибо большое! Я такая голодная, оказывается, была!

– На здоровье! Ну, пойдем к девочкам?

Натка немного напряглась. Как примут ее в группе девочек? Что сказать? Как себя подать, чтобы не получить плохую репутацию? Отец бы сказал сейчас, что если хочешь вызвать интерес у людей, будь собой, не придуривайся, что ты лучше, чем есть на самом деле. Натка наморщила нос. Вслед за Анной, она вошла в довольно большую комнату. Вдоль стен, стояли кровати, застеленные красивыми покрывалами. У каждой кровати – тумбочка. Вдоль дальней стены – большой, во всю стену, шкаф.

«С одеждой, наверное» – подумала Натка. В комнате никого не было. Часы над дверью, показывали без десяти десять.

– Ну вот, Натка, здесь ты будешь жить – сказала Анна – дождись девочек, они на занятиях еще, посиди на любой кровати. – И Анна вышла из спальни.

Натка осмотрелась. Она, вдруг, почувствовала сильную усталость. Села на ближайшую кровать, и сама не заметила, как уснула...

...Проснулась она от того, что в комнату, громко разговаривая, вошли курсантки. Натка, не открывая глаз, слышала, как они перешучивались и вдруг, как по команде, замолчали.

«Меня увидели» – поняла Натка.

– Эй! Аллё! – услышала она над собой, девичий голос – приятный, с хрипотцой. Натка открыла глаза. Над ней, склонив голову на бок, словно разглядывая какую-то диковинку, стояла очень яркая девушка в коротком белом платье. Ты кто?! – немного бесцеремонно спросила девушка, уставившись на Натку большими зелеными глазами. Девушка была хороша! У нее были длинные ровные ноги, тонкая талия, высокая грудь и очень женственные руки с тонкими запястьями и трепетными, музыкальными пальцами. В ней чувствовалась, какая-то сильная грация, как, например, в рыси или леопарде. Но самым удивительным, в облике девушки, были волосы – прямые, до плеч, ярко-красного цвета. Сейчас, подсвеченные висящим с потолка светильником, волосы девушки, казалось, были из пламени. Вообще, в этой красноволосой, чувствовались темперамент и сила. У нее было очень красивое, сужающееся к подбородку, лицо с высокими скулами, ровным, чуть вздернутым, носом и полными, чувственными, губами. Красивого, почти идеального, рисунка, черные брови, сейчас были удивленно подняты. Она вся, была какой-то ладной, стройной и живой, эта красноволосая красавица с низким, с хрипотцой, голосом. Натка, невольно, залюбовалась девушкой.

– Ну?! – требовательно сказала красноволосая. – Ты кто?!

– Натка. – ответила Натка, решившая представиться своим новым, «взрослым» именем. Она попыталась встать, но нога затекла.

– Мурашки! – невольно вырвалось у Натки и она потерла бедро ладонью.

– Натка Мурашки? – усмехнувшись, переспросила девушка. – Ну, Мурашки, так Мурашки! А я – Мария Красная. – И девушка протянула Натке узкую ладонь. Натка пожала руку этой Марии Красной и улыбнулась.

– Кстати, Красная – это фамилие такое – пояснила Мария. – На древнерусском Красная означает Красивая!

– Я так и поняла, – улыбнулась Натка.

– Ого, девки, понятливая, смотри-ка! – удивилась Мария Красная – Ну что, Мурашки, будем знакомы?

– Будем, Мария Красная! – ответила Натка, думая о том, что вот так, из нечаянно обретенного слова, и прилипают клички, да так крепко, что потом не отлепить никакими усилиями. Прирастают намертво!

«Мурашки, значит!» – подумала Натка. – «Не самая противная кличка, кстати! А с Красной этой, как-то надо подружиться. Похоже, она здесь в авторитете».

– Ты новенькая? – спросила Мария. – Только что приехала? Мамка кто у тебя?

– Мамка? – переспросила Натка.

– Ну да, куратор! – ответила Мария.

– Анна. – Ответила Натка.

– А, Аннушка, значит! – кивнула головой Красная. – Повезло! Аннушка, баба мировая! Добрая!

– Машка! – крикнула высокая девушка с длинными светлыми волосами. – Ты чего пристала к человеку? Дай ей хоть немного освоиться!

– О! – сказала Машка. – Светка, опять за справедливость! Кувалда, да никто ни к кому не пристаёт! Просто, знакомимся!

К Наткиной кровати, подошла высокая блондинка, а с ней – еще одна, тоже блондинка, с голубыми глазами и каким-то, немного детским, лицом.

– Я Светка – просто представилась высокая. – Староста группы.

– Натка. – Натка протянула Светке руку.

– Приятно. – Сказала Светка, пожимая руку Натки. Натка удивилась, сколько силы было в этом рукопожатии. Нет, Светка не сжала ладонь Натки, но сила в ее руке чувствовалась.

«Не так просто, видимо, Кувалдой ее назвала Машка» – подумала Натка, разглядывая блондинок. Светка, была высокой и божественно-стройной. В ней чувствовалась сила. Нет, она не была мускулистой или жилистой, но она была, какой-то жесткой. Она производила такое же впечатление, как спящий лев в зоопарке, когда смотришь на него и видишь, что это – опасный хищник. У Светки были длинные ноги, осанка с гордым изгибом. Руки живые и подвижные. «Наверное, она рукоделием каким-то занимается» – подумала Натка. У Светки были длинные, почти до талии, волосы с каким-то металлическим отливом. «Вот как, видимо, на самом деле, выглядят платиновые блондинки» – опять подумала Натка. Взгляд серых глаз Светки был цепким и внимательным, а тонкие, но красивого рисунка, губы, казалось, готовы были к улыбке в любую секунду. Вторая блондинка, была невысокой, напоминала фарфоровую статуэтку – с нарочито тонкой талией и женственными бедрами. Ее короткие волосы были пшеничного оттенка и отливали золотом. «Две блондинки – одна золотая, а вторая платиновая» – подытожила Натка. У золотой были необычно-яркие голубые глаза, густо опущенные ресницами. «Как два кусочка летнего неба» – продолжила размышлять Натка.

– А это – Светка указала на золотую блондинку – Лика.

Натка с Ликой пожали друг другу руки, Лика улыбнулась, продемонстрировав прекрасные, такие детские, ямочки на розовых своих щеках.

– Вообще-то, я Анжелика. – Сказала Лика, снова улыбнувшись. Голос у нее был не совсем соответствующий внешности – низкий и глубокий. Создавалось впечатление, что маленькая девочка, вдруг, заговорила взрослым голосом. – Но Лика мне нравится больше. Ты ведь тоже, не Натка?

– Мне Натка больше нравится, – ответила Натка, улыбаясь.

– Машка, покажи Натке, где тут у нас что – сказала Светка.

– Сей секунд! – ответила Машка, тряхнув своими чудными волосами. – Пошли, Мурашки!

И Машка повела Натку из спальни куда-то по коридору.

– Вот здесь у нас туалеты, – Машка указала на дверь. – Здесь – душевые. Запоминаешь?

– Так таблички же есть. – Сказала Натка.

– Умная? – спросила Машка. – Это хорошо! А вот здесь – Машка указала на дверь. – Наша кладовочка! Гардероб и вещевой склад. Здесь мы подбираем одежду, обувь, украшения. Косметика, мыло и прочая дребедень тоже здесь! Видишь, табличка, все как ты любишь! Так и написано: «Кла-до-ва-я»

– Косметика? – удивилась Натка.

– А чего ты удивляешься? Куда современной женщине без косметики? Правильно, никуда! Вот, здесь и берем! Кстати, косметика – закачаешься! Такой, даже в магазинах нет, а если есть, то только по великому благу!

– Ого! – удивилась Натка и вспомнила, как мечтала мама о французской косметике, но никак не могла купить. А как? Выдают?

– Да, здесь кладовщица есть. Но только в рабочее время. На ночь, все преподы и прочие по домам уезжают. Только дежурные остаются.

– Как дежурный по части? Кто-то из офицеров?

– Можно и так сказать. Кто-то из кураторов.

– Мамки?

– Правильно, Мурашки, мамки! А ты, я смотрю, быстро схватываешь! Молодец! Куришь?

– Нет, Маша, не курю.

– Ерунда! Научим! Кстати, сигареты тоже в кладовой. Любые! Хошь, ипортные, хошь – Прима или Беломор! И зажигалки. Пошли, покурим, на лестницу, поболтаем немножко.

Они вышли на лестницу, где к перилам, на алюминиевую проволоку, была прикручена банка из-под сгущенки – пепельница. Машка достала из кармана пачку Мальборо и блестящую зажигалку, закурила.

– Ну, рассказывай, – сказала Машка, уставившись на Натку своими большими изумрудными глазами, опущенными густыми черными ресницами. Она выпустила дым длинной струйкой, манерно держа сигарету двумя пальцами с ярко-красными ногтями.

– А что рассказывать? – спросила Натка.

– Все! – ответила Машка. – Нам еще, надеюсь, долго вместе учиться, поэтому, рассказывай все – все-все.

– Прямо, все-все? – лукаво улыбнувшись, спросила Натка.

– Да, прямо все-все! – тряхнув волосами, подтвердила Машка.

– Ну... – начала Натка. – Сначала была тьма...

– Да ну тебя! – махнула рукой Машка. – А ты, видимо, из образованных?

– Из военных. – Ответила Натка и как-то сникла.

– Ты чего скисла? – спросила Машка.

– Родителей вспомнила... – Натка вздохнула.

– Эй-эй-эй! – сказала Машка. – Ты тут, только зареветь не придумай! Давай, Мурашки, рассказывай!

И Натка, коротко, рассказала о себе: о школе, о родителях, о дяде Сереже, о танцевальном ансамбле, о секции айкидо. И странное дело, Натка, довольно легко, смогла рассказать Машке о родителях. Она даже испугалась, что вот, стала уже забывать. Но потом поняла, что уехав так далеко, она, как будто, оставила все произошедшее, где-то далеко-далеко. Она вспомнила слова отца: «У человека, дочь, есть прошлое, которое тянет его назад, и будущее, которое пугает. И только в настоящем, его ничего не угнетает. Поэтому, нужно жить настоящим!»

– Айкидо, танцы – повторила Машка. – Думаю, тебе легко здесь будет! Ты, знаешь что?

– Что?

– Здесь, как-то, все поодиночке, держатся, только мы втроем – Светка нас вокруг себя собрала, меня и Лику. Так что, девка, ты, я смотрю, нормальная, давай с нами!

– Ну, в принципе, когда кучкой, всегда легче – повторила Натка слова отца. – Если девочки против не будут, то да, я согласна.

– Ага, ты еще про прутики и веник расскажи – усмехнулась Машка, затушила окурок о подошву черного лакового туфля и бросила его в пепельницу.

– Все, пошли, сейчас тебя буду рекомендовать в нашу компашку! – Машка тряхнула волосами и потащила Натку обратно в спальню...

– Кувалда! – сказала Машка, едва переступив порог спальни. – Давай, Мурашки к себе в шайку возьмем? Она, вроде, девка неплохая.

– В шайку! – прыснула Лика, которая читала какую-то толстую книжку, сидя на кровати. – Еще, блин, «банда», скажи! Ну, ты, Красная, как ляпнешь!

– Ну, давай, раз сама Красная словечко замолвила – улыбнулась Светка. – Да по ней видно, вроде, что не гнилая. Ты сама-то как, Натка, хочешь к нам в шайку?

– Чтобы грабить караваны? – улыбнулась Натка. – Да, хочу!

– Караваны! – засмеялась Машка. – А Мурашки-то, гляди-ка, юморная!

– Юмор – признак ума! – наставительно сказала Лика.

– Ну, так я и говорю, что девка хорошая! – Машка сказала это с таким видом, будто это она лично сделала Натку такой хорошей.

Девчонки засмеялись.

– Так что, Натка, добро пожаловать в шайку! – улыбнулась Светка. – Будем грабить караваны вместе! – и Светка пожала Натке руку. Так Натка была зачислена в шайку Светки-Кувалды.

Глава 3

...Натка сквозь сон почувствовала, что кто-то трясет мягко ее за плечо и мягко приговаривает шепотом:

– Натка, вставай, девочка...

Натка, не проснувшись как следует, села на кровати, протерла глаза. Перед ней сидела Анна.

– Вставай, Натка, – повторила Анна и мягко потянула за руку. Натка послушно встала, машинально сунула ноги в тапки, сонно уставилась на куратора.

– Пойдем со мной – сказала Анна, улыбнувшись.

«Я, наверное, смешная» – подумала Натка, пытаясь руками привести волосы в порядок.

– Все нормально, потом причешешься, умоешься – успокаивающе сказала Анна и привела Натку в кладовую. Анна указала Натке на стул. Натка села. Анна, села на другой, закинув ногу на ногу и, каким-то неуловимым движением, одернув подол бежевого платья.

«Какая же она красивая и женственная!» – с восхищением подумала Натка, ежась в тонкой «ночнушке».

– Замерзла? – участливо спросила Анна. – Ничего, скоро пойдешь к себе! Мы с тобой немножко поговорим сейчас, а потом пойдешь.

– А почему так рано? – спросила Натка, косясь на часы на стене. Те показывали без десяти минут, пять часов утра. – И мы же вчера, вроде, говорили?

– Привыкай, красавица, – улынулась Анна. – Потом, когда работать будешь, обстоятельства не спросят, рано или не рано... Значит так, Натка: ты начинаешь учебу. С этого момента, ты – курсант. Я знаю, что ты, вроде бы, подружилась со Светой Шторм, Ликой Снежной и Марией Красной? Это очень хорошо, Натка! Девочки они очень хорошие, учатся отлично, кураторы ими довольны. И, конечно, лучше держаться стайкой, так больше шансов не вылететь. Так что, курсант Соловей, первые твои шаги очень верные! Молодец! Так и продолжай! Один момент, Натка: дисциплина – прежде всего! Четкий распорядок, подчинение приказам – это все обязательно, поняла? – Натка кивнула снова. – Вот и хорошо – улынулась Анна. – У тебя папа военным был, верно?

– Да, военным... был... – вздохнула Натка. – А что?

– Насколько я знаю, он брал тебя с собой на стрельбище?

– Брал... – опять со вздохом ответила Натка.

– Вот и хорошо – сказала Анна. – Значит, сегодня у тебя проблем быть не должно! Я вообще, Натка, очень хочу, чтобы с тобой не было проблем, договорились? Никаких драк, никаких конфликтов с курсантками, запомни это твердо! За это наказание очень суровое. И еще: у нас в охране, и в техническом обеспечении, служат солдаты – срочники. Так вот, всяческие отношения с ними, строжайше запрещены, хорошо?

– Хорошо. – сонно кивнула головой Натка.

– Ну, вот и хорошо! – улынулась Анна. – Сейчас, я выдам тебе одежду, обувь, набор косметики, полотенце и халат. Ночнушку свою, и тапочки, можешь выбросить. Все тебе выдам. Если, вдруг, что-то еще понадобится, придешь сюда, тебе выдадут. Поняла?

– Поняла. – Натка очень хотела спать и едва ворочала языком.

– Кстати, насчет сна, его не очень много будет, так что привыкай. И старайся использовать любую возможность, чтобы подремать, – сказала Анна. – Не в ущерб, конечно, занятиям. Договорились?

– Хорошо, договорились – ответила Натка, стараясь все запомнить...

– Вот и хорошо! – ответила Анна. – Ну, все, беги, сейчас на занятия пойдете!

Натка пошла к своей кровати, но тут же, в радио раздалась команда «Подъем!», и все девочки стали вставать с постелей. Натка увидела на своей табуретке новенькую форму, а под табуреткой – берцы и стала переодеваться. Форма, к ее удивлению, села на нее, идеально, берцы тоже прекрасно подошли по размеру.

Разгладив складки формы руками, Натка пошла строиться. Вообще, все это она видела не раз – папа часто брал ее с собой, когда ездил в воинские части.

Поэтому, Натка не удивлялась уже ничему. Знакомо было ей и построение.

Перед строем вышла хрупкая, небольшого роста, девушка в форме, с прямыми черными волосами и восточной внешностью. Она подошла к Натке.

– Новенькая? – спросила девушка, улыбаясь. – Тебя ведь, Натка, зовут?

– Так точно – ответила Натка – Натка. Наталья Соловей!

– Ого! – удивилась девушка. – Я смотрю, не зря ты с отцом по командировкам ездила! Кое-чему, научилась! Меня, кстати, зовут Ли. Можешь так и звать – просто Ли. Можно, кстати, на «ты» Договорились?

– Так точно. – снова ответила Натка.

– Вот и хорошо! – Ли улыбнулась, достала из нагрудного кармана диковинную плоскую пачку сигарет в разноцветных переливах, открыла ее, наподобие портсигара и вытащила ярко-розовую сигарету с золотым фильтром. Натка удивилась. Она раньше никогда не видела таких, отец курил «Приму» или «Астру». Ли закурила свою чудную сигаретку, и повела строй курсанток на стрельбище, которое находилось в длинном бетонном ангаре.

Там она подозвала Натку к себе, указав ей на деревянный стол, выкрашенный зеленой краской, на котором лежал АКМ.

– Видела такой? – спросила Ли.

– Да, видела, – ответила Натка. – Это автомат Калашникова, образца тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, модернизированный! Калибр – семь-шестьдесят две!

– Молодец! – похвалила Ли. – Теория, я вижу, тебе знакома. – А практика? – Ли пристально посмотрела на Натку. Так же, внимательно, смотрели на нее и девушки, стоявшие в строю. Натка вздохнула. Она вспомнила, как папа учил ее собирать и разбирать автомат. Натка провела ладонью по стали оружия, ощущая прохладу металла, и вдруг, ее руки быстро-быстро запорхали, раздались металлические щелчки. Детали автомата, с лязгом, ложились на дерево стола.

– Готово! – Натка подняла руку, закончив разборку автомата.

– А неплохо! – протянула Ли. – Очень неплохо! Пожалуй, даже в норматив уложилась! Молодец, Натка! А теперь, давай, собирай обратно!

Натка вздохнула и ее руки снова запорхали над автоматом, со стальным звуком, вщелкивая детали обратно. Наконец, Натка примкнула магазин и положила АКМ на бок.

– Готово! – сказала она.

– Молодец! – сказала Ли. – А стрелять?

– Умею! – ответила Натка. – Стоя или с колена?

– Давай стоя! – ответила Ли. – Магазин сама снарядить сможешь?

Натка кивнула. Ли поставила перед Наткой пачку патронов и вложила в ладонь коричневый бакелитовый «рожок». Натка отложила магазин, быстро разорвала картонную пачку, рассыпав патроны по столу, и стала один за другим, вщелкивать их в магазин, зачем-то шевеля губами, словно считая.

– Готово! – сказала, наконец, она.

– Прекрасно! – сказала Ли. – Давай, иди к ростовой мишени! – Ли указала рукой на огневой рубеж. Пока Натка собирала и разбирала автомат и снаряжала магазин патронами, оказывается, курсантки уже открыли стрельбу. Натка подошла к рубежу, примкнула магазин к автомату, встала, расставив ноги, как учил папа, натянула ремень локтем, чтобы создать допол-

нительную надежность хвата оружия, перевела переключатель режимов огня на «автоматический», вложила в автомат, плотно прижав приклад к плечу, прицелилась и выпустила в мишень короткую очередь.

Ли только присвистнула от удивления. Она нажала кнопку на пульте, мишень подъехала к рубежу.

Ли внимательно ее осмотрела.

– Соловей! – восхищенно сказала она. – Да ты, оказывается, Дерсу Узала!

– Кто? – не поняла Натка.

– Снайпер, проще говоря! – ответила Ли. – Ты посмотри! И очередь, как положено, из трех патронов получилась, и попала как надо! Двадцать шесть из тридцати! Молодец, Натка! Порадовала! А из пистолета стреляла? – Ли, похоже, охватил азарт.

– Да, из АПС, – ответила Натка.

– Отец? – спросила Ли.

– Да. – При мысли об отце у Натки запершило в горле. Хотя, возможно, это случилось от порохового дыма.

Ли вытащила из кобуры на поясе тяжелый АПС, протянула рукоятку вперед Натке.

– Покажи! – сказала Ли отрывисто. Она нажала кнопку, мишень уехала обратно.

Натка взяла пистолет (Лучший пистолет в мире, как всегда говорил папа), выщелкнула обойму, чтобы посмотреть, сколько в ней патронов, резко вогнала ее обратно, взвела затвор, встала в стойку, подняла пистолет одной рукой (удерживая пистолет двумя руками, только выпендренники стреляют и в кино, утверждал папа), прицелилась, не прикрывая один глаз (тоже папина выучка – целиться двумя глазами), и несколько раз нажала на спусковой крючок. Пистолет дернулся в руке пять раз. Ли поаплодировала, снова вызвала мишень, осмотрела ее и снова зааплодировала.

– Ну что, курсант Соловей! – сказала Ли. – Отныне, твое оружие, это АПС! Вот технику наработаем с тобой, за пару месяцев, научу с двух рук стрелять!

– Как в кино? – спросила Натка.

– Лучше! – убежденно сказала Ли. – В кино, вот сама увидишь, они оружие, как коряги, держат! А ты будешь лучше всех у меня стрелять!

– Хорошо... – тихонько ответила Натка.

– Чтооо?! – переспросила Ли, сдвинув брови.

– Есть! – звонко ответила Натка.

– Вот, так-то лучше, курсант Соловей! – хмыкнула Ли и бросила окурок своей нарядной сигареты на землю, раздавив его каблуком берца...

...Натка шла по коридору ангара к выходу.

– Что, снайпер, выпендрилась? – раздался голос сбоку. Натка обернулась и увидела довольно миловидную, но какую-то неопрятную блондинку.

– Я не выпендривалась, – спокойно ответила Натка.

– Ну-ну! – хмыкнула блондинка. – Знаю я таких, как ты! Лишь бы выслужиться, да поуютней устроиться! Шестерка!

Натка решила ничего не отвечать, просто прошла мимо и пошла к выходу.

– Зенитка! – услышала она голос Светки. – Рот свой закрой, а то я помогу, если сама не в состоянии!

– Кувалда, твое-то какое дело? – спросила блондинка. – Не лезь, тебя не приглашали!

– А я сама прихожу! – ответила Светка. – Предупреждаю, Зинка, еще раз к Натке полезешь, в глаз дам!

– Да больно надо, к сучке костлявой этой лезть – ответила Зинка. – Так, предупредить, чтоб не выделялась, а была как все.

– Вот и я так, предупредить! – сказала Светка. – Еще раз пасть откроешь, челюсть выверну набок!

Зинка пробурчала что-то под нос и пошла к выходу. Светка догнала Натку.

– Ты Зенитку не бойся! – сказала Светка. – Она, хоть и газует, но ссыкло то еще! Больше понтов, чем дела. Так что, не бойся! А будет хвост еще поднимать, дай ей в жбан! Только бей так, чтобы с первого удара вырубить! Поняла?

– Хорошо – улыбнулась Натка...

...После стрельбища, курсанток повели на полосу препятствий. И она, оказалась Натке очень знакомой! Сколько раз они с отцом бегали вот по таким полосам, которые отец называл почему-то «общевойсковыми», Натка и не помнила. Она всегда воспринимала эти их «побегушки», как игру и когда была маленькой, удивлялась, зачем солдатам нужны детские городки. «Неужели, солдаты играют?» – думала маленькая Натка, сопя от натуги, перелезая через деревянную стенку, зная, что с обратной стороны, ее поймает отец в свои сильные руки.

– А что, у солдат тоже папы их ловят? – спросила однажды Натка у отца.

Отец засмеялся и погладил Натку по голове.

– Нет, Наташка, папы с солдатами не служат, они их дома, вместе с мамами и невестами, ждут!

– Так им, наверное, скучно? – спросила Натка.

– Кому? – переспросил отец. – Солдатам?

– Да, солдатам! – ответила Натка. Ей, маленькой, очень нравилось это слово – «солдат», от него веяло чем-то, очень надежным и сильным.

– Солдатам, Наталка, скучать не положено, – ответил отец. – Они, солдаты, сильные, смелые и не скучают!

И вот сейчас, пробегая по полосе препятствий, Натка вспомнила, эти слова отца: «Они сильные, смелые и не скучают».

«Я тоже буду сильной и постараюсь не скучать, папа!» – подумала Натка, перепрыгивая через траншею...

...После полосы препятствий, наконец, объявили обед и всех повели в столовую...

...После обеда, в свободное время, Натка написала короткое письмо дяде Сереже. Она написала, что ей все понравилось в этом необычном училище, и что она подружилась с тремя очень интересными девочками. Она бросила письмо в почтовый ящик, который висел в коридоре, около лестницы, взяв конверт в кладовой. А потом, по радио объявили, что можно переодеться в гражданское и проследовать в учебный корпус, на занятия по английскому языку. Натка достала вещи, которые собрала ей Анна, переделалась, взглянула на себя в большое, в полный рост, зеркало, висевшее в спальне. В отражении, она увидела стройную, миловидную девушку с длинными ровными ногами и тонкой талией, в черной мини-юбке, оранжевой блузке и черных туфлях на высоких каблуках. От каблуков да еще и в короткой юбке, ноги Натки казались еще длиннее.

– Вот это ноги у тебя! – восхищенно сказала Лика. – Как у кузнечика!

«Ну вот!» – подумала Натка – «Мурашки, да еще и Кузнечик! Растешь, Наталья Соловей!» – и она, вдруг, вспомнила, что никогда не считала себя красивой. Наоборот, она казалась себе какой-то нескладной и долговязой. А ноги, которыми восхитилась Лика, Натке никогда не нравились. Она считала их, ну слишком некрасивыми, чтобы демонстрировать. Даже, когда почти все девочки в классе, стали укорачивать школьную форму, Натка упорно не желала этого делать, чтобы не открывать свои, как она думала, костлявые и нелепые, ноги. «Как у птички – трясогузки лапки» – думала она в то время, о своих ногах. Но сейчас, накинула куртку и побежала догонять девчонок, которые ушли в учебный корпус. Пока бежала, Натка размышляла о том, что ее взросление, каким-то волшебным образом, произошло не только внутри, но и снаружи. «Надо же, как бывает!» – подумала удивленно Натка и ускорила свой бег, поняв,

что безнадежно отстала от своей группы, пока вертелась и прихорашивалась перед зеркалом. «А что, имею право!» – подумала Натка и вспомнила, как отец постоянно ворчал, когда мама долго крутилась перед зеркалом, и она отвечала ему именно так – Имею право! Я женщина, я несу красоту в мир. Я не могу сегодня, оставить мир без красоты! Натка улыбнулась и подумала – «Я тоже не могу оставить мир без красоты!»...

...Шло время. Натка совершенно втянулась в учебу, проявляя большое усердие. Предметы, которые преподавали в училище, немного, по началу, удивили Натку: помимо обычных, школьных, дисциплин, преподавали еще этикет, иностранные языки (Натка учила английский и немецкий), управление автомобилем, танцы, рукопашный бой. Но были и предметы, которые очень, поначалу, удивляли Натку. Это были занятия по психологии, по фармацевтике (в основном, по тем ее разделам, где говорилось об отравляющих и одурманивающих веществах), по устройству и применению различных систем вооружения. Были, также, занятия по тренировке выносливости, усидчивости и терпения. Очень любила Натка, занятия по артистическому искусству. На них, помимо актерского мастерства и сценической речи, учили так же, как за несколько минут, можно полностью перевоплотиться в другого человека, используя как грим косметику и подручные средства. Очень любила Натка и занятия маленькой Ли по стрелковому делу. С завидным упорством она тренировала умение стрелять с двух рук по разным целям. Любимыми были и занятия по акробатике, на которых Натка снова смогла почувствовать перерождение – к ее удивлению, оказалось, что она очень хорошо владеет своим телом и очень пластична. Все упражнения, она выполняла на отлично, каждый раз радуясь, что смогла выполнить, казалось, такие сложные трюки. Учили всему: плавать, нырять с аквалангом, выживать в лесу, имея при себе только нож, бегать, правильно и красиво одеваться, ходить, двигаться, говорить. Учили прыгать с парашютом, спрыгивать на ходу с машин, с поездов. Учили думать и разрабатывать, как это называлось, «сценарии акций», учитывая все возможные и невозможные варианты развития событий. Учили, к удивлению Натки, слесарному и столярному делу, чтобы курсантки имели представление о различных материалах и могли с ними работать, если понадобится. Дни летели один за другим, и Натка опомниться не успела, как закончилось первое полугодие. Директор училища, Виктор Сергеевич, моложавый, подтянутый, в традиционном своем сером костюме, построил курсанток и объявил результаты первого полугодия:

– Товарищи курсанты! – начал он, пружинисто прохаживаясь перед строем. – Вот и закончилось первое полугодие вашего обучения, по итогам которого, несколько человек будут отправлены на службу в армию и силовые структуры нашей страны, чтобы там применить знания, которые получили здесь. Не разбазаривать же, таких специалистов, правда? – ВикС, как звали его курсантки, улыбнулся. – Те, кого назову, прошу выйти из строя и пройти в столовую. Там вы будете ждать результатов своего распределения. Всем все ясно? – ВикС обвел всех взглядом. – Вопросов нет, – удовлетворенно кивнул ВикС.

Натка замерла, стоя рядом с Машкой и Светкой. Светка пожала ей руку, мол, не ссы, прорвемся! Но Натке, все равно, было немного тревожно. Она подумала, что совершенно не хочет покидать училище и расставаться с Машкой, Светкой и Ликой, с которыми так крепко сдружилась. Сердце замерло, пока ВикС называл фамилии.

– Соловей! – сказал ВикС. Натка обмерла. Она просто не поверила своим ушам. – Не трясись, Соловей, все хорошо, остаешься! – улыбнулся ехидно ВикС, явно, очень довольный своей шуткой.

– ВикС, зараза! – шепнула Машка. – Скалится еще!

– Виктор Сергеевич, это не очень смешно! – сказала Натка в сердцах.

– Ну, это дело вкуса, Натка. – Ответил ВикС. За полгода, все преподаватели уже привыкли называть Натку Наткой, а не Наташей. Ей это нравилось. Казалось, что окружающий мир, принял, наконец, изменившуюся Натку и согласился с ее решением изменить имя.

– Дело вкуса, блин! – шипела Машка злобно. – Я чуть со страха, ежика не родила! Шутник!

– Красная, что-то беспокоит? – спросил ВикС, заметив, что Машка шепчет, гримасничая.

– Нет, Виктор Сергеевич, все прекрасно! Жалоб нет!

– Поздравляю! – усмехнулся ВикС. – Это прекрасно, когда прекрасно и жалоб нет! Наконец, ВикС закончил зачитывать «черный список». Девочки, которых он назвал, с грустными глазами, ушли в столовую. ВикС распустил курсанток, объявив остаток дня свободным...

...И потекли дальше, новые занятия, новые тренировки. К старым предметам добавились новые, о существовании которых даже никто не подозревал. Все предметы стали называться просто: «Спец» и номер дисциплины.

Натка стала уставать еще больше. И зачастую, под конец дня, она возвращалась в спальню, едва волоча ноги...

...ВикС вел занятия по концентрации и психологии, или Спец – 8. На его занятиях девочки занимались медитацией, различными дыхательными техниками для того, чтобы быстро сосредоточиться и привести нервы в порядок. А еще, ВикС учил девчонок, так называемому «сторожевому» сну. Натке очень нравились эти занятия.

– Так – говорил ВикС – Давайте, все засыпаем!

И девчонки стали погружаться в сон, одна за другой, применяя специальную технику. Натка довольно быстро, погрузила себя в дремотное состояние, не переставая, при этом, слышать все, что происходило вокруг.

– Сейчас, как только я открою портфель, – прошептал ВикС – вы должны четко определить, сколько патронов я поставлю на стол, и тут же, резко встав, сказать их количество. Натка слышала, как ВикС ходит между столами, проверяя, все ли спят. Вот он подошел к столу. Натка спала и даже начала видеть какой-то сон, но щелчок замка портфеля, разогнал все картинки сна. «Открыл» – подумала Натка и стала считать металлические щелчки – ВикС стал ставить патроны («От АКМ, семь – шестьдесят две» – отметила Натка), на пластиковую столешницу. Семь тихих щелчков.

Натка резко встала, разгоняя сон и громко сказала: – Семь! просыпаясь окончательно от своего звонкого выкрика. Проснувшись, кстати, не только она – Машка, с вытаращенными глазами, вскочила со своего места и тоже выкрикнула «семь!» Все дружно засмеялись.

– А вот сейчас, Красная продемонстрировала нам еще один вариант использования сторожевого сна, – смеясь, сказал ВикС. – Она, похоже, просто поставила себе программу, дожидаться, когда кто-то сосчитает первым, вскочить и сказать за ним следом. Что ж, Мария, так тоже, как все убедились, работает! Молодец, находчивая! Хоть и дрыхла, как сурок, но справилась! Ты, конечно, хитра выше всех разумных пределов, Красная, садись! Машка изобразила крайнюю степень смущения и села, протирая глаза.

– А вот Соловей – молодчина! – ВикС одобрительно покачал головой – Остальным, обратить внимание: Соловей первая встала и все верно сказала!...

...Но меньше всего Натке нравились занятия СПЕЦ 4, специальный курс по подавлению женских рефлексов, который курсантки называли «антибабским», особенно, когда их проводили в городе. Даже СПЕЦ 13, болевые тренировки, не вызывали такого ужаса и смущения.

– Наша задача – избавиться от этого политеса! – говорила жесткая и строгая Валерия Никоновна, психолог училища, указывая своим костистым пальцем в небо и грозно им потрясая. Все звали ее просто – «Валеник».

– А то, взяли моду! Тут подол, видите ли, задрался, надо одернуть, там, что-то расстегнулось, надо проверить, не вывалилось ли! Пока поправляете и свои перси обратно в декольте упаковываете, вам голову открутят с превеликим удовольствием! Поэтому, вышибаем из вас эти ваши одергивания, поправляния и прочую муть! Я понимаю, что все это, женщина делает рефлексорно, так сказать, у нее в базовой программе так заложено, чтоб, не дай Бог, кто чего

не узрел! Но пусть, черт его дери, смотрят! И пусть, в конце концов, это будет последнее, что увидит враг в своей жизни! Не самая плохая смерть, если перед глазами, например, прелести Красной! Поэтому, будем тренироваться! Естественно, совсем вытравить не получится, природа свое возьмет, но закрепить, или, как говорят актеры, зазернить состояние, в котором вам все равно – одетые вы или не очень, обязательно нужно! Вот такая была Валеник, любительница крепкого словца и острых формулировок. И вот, сразу после обеда, Валеник поманила своим птичьим пальцем Натку, загадочно улыбаясь. Ее, торчащие в разные стороны, рыжие волосы, горели празднично и нарядно. Натка, вздохнув, подошла к Валеник.

– Чего вздыхаешь?! – сурово спросила психолог, кладя сухую ладонь Натке на плечо и встряхивая ее. – Не бойсь, не будет тебя никто насиловать принародно! Иди-ка, юбочку покороче надень!

– Так, и так короткая – возразила Натка.

– Нет предела двум вещам: совершенству и степени укорачивания женских юбок! – сказала Валеник со значением и подтолкнула Натку в спину – Шевелимся, Соловей, шевелимся! И да, белье под юбку не надевать! Поедем в город кататься! У Натки екнуло сердце. Она быстро сбегала и переоделась в соответствии с наставлениями Валеника. Быстро спустилась к машине, возле которой психолог демонстративно смотрела на карманные часы на длинной серебристой цепочке, которые постоянно таскала с собой, в кармане синего брючного костюма.

«Сама-то, в штанах!» – с раздражением подумала Натка и подошла к Валерии Никоновне.

Та бесцеремонно задрала подол микроскопической Наткиной юбки. Натка рефлекторно, рывком, опустила подол обратно.

– Отставить! – рявкнула Валеник. – Больше чтобы я такого не видела, ясно? Подумаешь, посмотрели на нее! Ты думаешь, у тебя настолько все иначе, что кто-то удивится и от изумления сдохнет? Просто другого способа убить врага и выжить у тебя в такой ситуации не будет! Давай, в машину, Соловей! – скомандовала Валеник.

Натка села на заднее сиденье Волги. Психолог привезла ее в парк, недалеко от цирка. Вообще, Натке очень нравился этот парк с его уютными тенистыми аллеями и большим фонтаном в самом центре. В этом фонтане, летом, в жару, всегда плескалась малышня, и от этого фонтан всегда источал прохладу, детский гомон и смех.

– Значит так! – отрывисто сказала Валеник, вручая Натке какое-то громоздкое сооружение, похожее на кейс. – Вот тебе игрушка. – Натка посмотрела на то, что дала Валеник. Это была увесистая деревянная доска, с двумя ручками по сторонам, и с лабиринтом по центру, по которому катался стальной шарик. Лабиринт был накрыт стеклом. – Твоя задача – прокатить шарик по лабиринту туда и обратно, не роняя его в лунки! На все у тебя – десять минут! Крайняя скамейка – твоя! Вперед, время пошло!

Натка подхватила игрушку и села на указанную скамейку. Она взялась за ручки лабиринта и принялась перекачивать шарик, наклоняя доску в разные стороны. Минуты через три, ей стала ясна садистская сущность игрушки – руки очень быстро устали, и шарик, то и дело, норовил закатиться в лунку. Натка поняла, с каким расчетом игрушку сделали такой тяжелой – чтобы руки устали и невольно захотелось поставить локти на колени, чтобы было надежнее. Но ширина доски, позволяла это сделать, только расставив колени пошире. Натка, посмотрев по сторонам, расставила ноги и утвердила локти на коленях. Дело с прохождением лабиринта пошло повеселее. Натка, казалось, полностью погрузилась в движение шарика по узкой канавке. Она, где-то краешком сознания, вдруг поняла, что ей совершенно неважно, видит кто-то, что она сидит с ногами на ширине не то, что плеч, а на ширине футбольных ворот, причем без белья, или нет. Она вся была поглощена задачей – докатить шарик до цели, не дав ему упасть в лунки.

«Так, это состояние надо запомнить! Зазернить!» – подумала Натка. Наконец, она прошла лабиринт, встала со скамейки, не глядя по сторонам «А ведь, действительно, по фигу, смотрят или нет!» – подумала она, и, подхватив тяжелую игрушку, вернулась к машине.

– Ну? – спросила Валеник. – Не надуло ветром?!

– Никак нет! – ответила Натка.

– Состояние запомнила?

– Так точно! Закрепила и зазернила!

– Ты еще поумничай мне! Ну, а в целом, молодец! Все, поехали на базу! Соловей, я наблюдала за тобой, тебе ведь, действительно, было до одного места, видит кто-то или нет, твою святая святых, молодец! Закрепи это состояние!

– Закрепила и зазернила! – повторила Натка, улыбаясь.

– Вот и прекрасно! – кивнула Валеник, завела двигатель и нервно повела машину к училищу...

...Натка повертела в руках ключ, который дал ей преподаватель Спец -7, Валерий Иванович, который, по совместительству, был еще и преподавателем по экстремальному вождению, да и вообще, был мастером на все руки. Задачей Натки было по памяти попытаться воспроизвести ключ в металле. Другими словами, Валваныч (так звали курсантки Валерия Ивановича) моделировал ситуацию, когда, взглянув на ключ, например, от гостиничного номера интересующего человека, курсантки, смогли точно, без всяких слепков, по памяти, изготовить копию этого ключа из заготовки, при помощи набора надфилей, который можно было, при необходимости, купить в любом хозяйственном магазине. Натка, морща нос, разглядывала ключ. Ключ, как ключ – обычный, с двумя бородками. Рисунок зубцов и впадин – не очень сложный.

Натка, как учил Валваныч, прикинула размер одного из зубцов.

«Три миллиметра в ширину, два – в высоту» – думала она. Вообще, на занятиях Валваныча, они уже учились определять размеры на глаз. У Натки всегда это получалось очень точно.

«Так. Теперь, берем этот зубец, как эталон. Мысленно делим ключ на квадратики и прикладываем эталонный зубец, ко всем зубцам и впадинам» – думала Натка, повторяя уроки Валваныча. Она мысленно посторила некую формулу, по которой нужно изготовить ключ, опираясь на размеры зубца, и уверенно вернула ключ Валванычу.

– Уверена? – хмыкнул Валваныч.

– Уверена, – выдохнула Натка, взяла надфили и заготовку и принялась за работу. Через полчаса, она вручила Валванычу изготовленный ключ.

– И сейчас уверена? – спросил Валваныч, улыбаясь.

– И сейчас уверена, – кивнула Натка.

– Ну, раз уверена, то проверяем, – объявил Валваныч, вытаскивая из шкафа замок.

Остальные курсантки, присутствовавшие на занятии, замерли в ожидании, точно на представлении фокусника, который, вот-вот, превратит шляпу в кролика.

– Проверяем! – провозгласил торжественно Валваныч, демонстрируя, что тот ключ, который он давал Натке, легко закрыл замок на два оборота.

– А сейчас этот, соловьиный ключ... – сказал Валваныч. – Хотя, нет! Давай-ка сама! – и он отдал ключ Натке. Натка, с некоторым волнением, вставила ключ в скважину, с удовлетворением отметив, что он легко прошел и нигде не зацепился.

– Ну, с Богом! – сказала она и повернула ключ. Замок, щелкнув два раза, открылся. Курсантки захлопали в ладоши, а Зинка Зинтгер, даже крикнула «Браво»

– Молодец, Соловей! – похвалил Валваныч. – Ну, кто тут браво кричал? Зинтгер? Тогда вот тебе, Зинаида, еще один ключик-мучик! Зинка взяла в руки ключ и так же, как до этого Натка, начала пристально его рассматривать. Натка смотрела на Зинку и радовалась, что она справилась. А еще, она подумала о том, как это здорово, когда своими руками делаешь что-то, что потом работает...

Глава 4

...Пролетели еще полгода. Многому научилась Натка за это время, очень многому. Выматывающий ритм занятий очень скоро стал для нее привычным и нормальным, она окрепла, стала сильной и дерзкой. За эти полгода Светка, Машка и Лика стали ее настоящей семьей – уж очень эта четверка сдружилась, сплотилась, действуя порой, как одно целое. Натка любила девочек, как любила бы своих сестер – беззаветно и всем сердцем.

Прозвище Кузнечик приклеилось к ней, как второе имя, и только Машка все еще называла ее Мурашки... Машка... Суматошная красноволосая оторва... Сестра... Светка... Серьезная, обстоятельная... Справедливая... Сестра... Лика... Сама нежность и женственность... Улыбчивая золотая блондинка... Сестра...

Ближе к новому году преподаватели стали туманно намекать о каком-то специальном экзамене в конце года, об особом испытании, результаты которого повлияют на их решение об отчислении некоторых из них...

Отчисление... Натка даже думать не хотела об этом...

Она вздохнула, наклонила голову и посмотрела на свое отражение в большом зеркале. Изменилась. Очень изменилась.

В зеркале она видела стройную, изящную, худенькую девушку с длинными ногами и тонкими щиколотками. Высоченные шпильки, на которых Натка научилась ходить, бегать, прыгать и почти летать, делали ноги еще длинней, и изящней... Вообще, девушка в зеркале была именно изящной... Утонченной... Изысканной, как японская статуэтка...

Тонкая, очень тонкая талия, переходящая в красивые бедра... Тоненькая, хрупкая и нежная фигурка... Длинные нервные пальцы... На тонкой шее гордо посаженная голова... Длинные красивые русые волосы свободно падали на спину – Натка не делала причесок – только подрезала челку, от чего ее нежное лицо с красивыми красными полными губами становилось по-девчоночьи трепетным и милым... И глаза... Большие, влажные, как у лани, открытые и невероятно красивые... Карие... Глубокие... Пушистые – именно, пушистые ресницы невероятной длины делали глаза выразительными и прекрасными, а весь Наткин облик колдовским и щемяще-женственным, милым и нежным... Занятия по созданию облика, или Спец-1, научили Натку, подчеркивать свою красоту – при помощи одежды, макияжа и манеры двигаться. Натка любила короткие юбки, обычно – в складку, ярких цветов или в клетку. Любила блузки, похожие на рубашки. Вот и сейчас, на ней были красная мини-юбка и белая шелковая блузка. Натка очень любила это сочетание цветов в одежде – белый с красным.

Натка откровенно любовалась собой, на минутку забыв, что встала она к зеркалу для того, чтобы подогнать ремешки наплечной кобуры для двух "Стечкиных".

Натка вдруг вспомнила, как долго истязала она себя, тренируясь стрельбе из двух пистолетов... И как, наконец, однажды большие и тяжелые пистолеты Стечкина в ее руках стали, наконец, настоящим продолжением ее тонких изящных рук...

И до сих пор, уже спустя год после начала учебы, Натка использовала все возможности дополнительных занятий, чтобы отточить технику стрельбы "по-македонски" – с двух рук, из двух пистолетов, до совершенства.

Натка улыбнулась отражению, и девушка в зеркале улыбнулась открытой, красивой улыбкой, приподняв тонкие брови.

Но надо заниматься делами... Вон и конспект еще не открывала... Вот и стакан с холодной водой даже приготовила, чтобы не бегать потом за водой, а сесть и хоть час позаниматься... А сама... Перед зеркалом кривляется... Она вспомнила, как раньше считала себя чуть ли не уродиной и улыбнулась.

«Так вот, оказывается, как превращаются гадкие утята в лебедей» – подумала она.

Натка еще раз вздохнула, стянула кобуру и села за стол, открыв тетрадь с конспектом последнего занятия по психологии... "Методика допроса" – прочитала она торопливые буквы и задумалась, вспомнив об экзамене, об отчислении...

– Мурашки!!! – Машка ворвалась в комнату и уселась перед Наткой прямо на стол, схватила стакан с водой и стала жадно пить, размахивая рукой, и, мыча в стакан от переполнявших новостей. Она порывисто поставила стакан и вытаращила глаза, в которых плясали огоньки. – Расписание на завтра читала?

– Нет, а что там? – Натка закрыла тетрадь и уставилась на ерзающую Машку.

– Ты чего?!!! Ночью сегодня комплекс с бойцами ГРУ!!! – выдохнула Машка и снова принялась пить.

– Комплекс... – Натка почувствовала противенький холодок и как начали подрагивать пальцы. Про комплекс говорили инструкторы по рукопашному бою. Это особое занятие – когда приезжают бойцы спецназа ГРУ и с ними устраивают поединки... Одиночные, групповые, кто как пожелает... Самое пугающее в комплексе было то, что приехать должны настоящие бойцы, прошедшие не один боевой выход, имеющие за плечами многолетний боевой опыт... Элита... Настоящие командос, выучке которых завидуют пресловутые Морские Котики... Вот он, экзамен...

– Комплекс. – Еще раз выдохнула Натка. – А почему ночью?

– Да какая разница?!!! Это же терминаторы, Натка, монстры настоящие, головорезы!!! – Машка говорила это с каким-то веселым ужасом, и Натка вдруг поняла, что не боится их оторва-Машка, а наоборот – предвкушает этот страшный поединок, желая доказать всему миру и самой себе, что она, Мария Красная, тоже боец и тоже чего-то стоит... Натка заразилась этим бесшабашным азартом и сделала глоток из стакана.

– Светка нас на групповой записала! – выдохнула Машка и засмеялась, звонко, весело, окончательно распугав колокольчиками своего смеха липкий Наткин страх. – Ох, и будет ноченька сегодня веселая!

Вошла Света, за ней Лика, у обеих глаза блестели и движения порывистые и стремительные.

– Натка! – Света резким движением поставила стул перед собой, уселась на него верхом, руками обхватив спинку. – Я нас четверых в групповой записала... Так нам полегче будет – глядишь, и прорвемся вчетвером! – Светка подмигнула Лике. – Надо подумать, как оденемся.

– Как-как? – удивленно вскинула брови Лика. – В защиту, конечно!

– Ай, от защиты той толку... – пробормотала Натка...

– Правильно, Натка! – улыбнулась Светка. – И шлем смотреть мешает, налокотники мешают руками махать... Да знаете сами... Я вот что подумала... – Света хитро прищурилась. – Они мужики?

– Мужики!!! – восхищенно пропела Машка. – Еще какие, мужики!!!

– Ну? – Светка многозначительно обвела глазами всех, ожидая, когда поймут подруги ее идею.

– Да нее! – Натка от пришедшей мысли отмахнулась рукой, как от комара. – Ты серьезно?!

– Именно!!! – Светка резко выпрямилась, встала в позу, натянув бедрами юбку, провела руками по телу. – А? – она подмигнула и улыбнулась.

– Светка... Ты сучка... – восхищенно протянула Машка. – Ой, суучкааа!!!

Светка хохотнула и начала говорить быстро, чеканя слова, короткими фразами – так умела только она, Светка-Кувалда.

– В защите мы никто. Ни мальчики, ни девочки. Так, бесполье болванчики для битья. Защита, к тому же, двигаться мешает. Грушники нас, конечно, уделают. Но так просто я не хочу. Хочу тоже. Крови пустить им.

–Грушки-игрушки...–Машка засияла глазами и заулыбалась. – Светка, это будет нечто! – Машка запищала, как всегда делала она, выражая крайний восторг.

–Девки... Вы на всю голову больные... – Лика восхищенно распахнула глаза. – Но мне нравится идея. Получим, конечно, по полной, но устроим грушкам стриптиз!

Ночью всех подняли по тревоге, построили в спортзале. Начальник боевой подготовки, заложив руки за спину, печатал шаги перед строем девушек толстыми подошвами армейских ботинок, пристально осматривая каждую.

–Итак, – начал он негромко, остановившись посередине строя. – Вот и наступил момент, когда и мы, и вы проверим, чему вы научились за первый год своего пребывания здесь. Сегодня у вас очень тяжелая ночь. Некоторые из вас, те, кто не пройдут сегодняшний тест, будут отчислены и по традиции, распределены в силовые структуры. Правила очень просты – продержаться как можно дольше. Мы не ждем от вас победы, просто продержитесь. Противник у вас опытный, стократно превосходящий вас по уровню подготовки. Эти ребята прошли десятки боевых выходов, у каждого за плечами опыт локальных конфликтов и заграничных командировок. Поэтому, не надо питать иллюзий, для вас они – как бульдозер для самоката. Правила простые – бой в полный контакт, до нокаута. Или до момента, когда вы не встаете в течение 10 секунд. Я зачитаю список, в каком порядке будете проходить тест.

Натка слушала и чувствовала, как по спине катится холодная бусинка пота. Страшно. Но еще страшнее – не пройти, стать одной из отчисленных... "Солдаты сильные, смелые и не скучают". – Прозвучало в голове.

Список закончился на их четверке.

–И так, у вас полчаса на то, чтобы переодеться. Сбор – ровно в 4.00, в зале для рукопашной, у ринга. Удачи всем! – Начальник БП быстрым шагом вышел из спортзала.

Натка, Света, Машка и Лика побежали переодеваться...

В зале для занятий по рукопашному бою, собрались все преподаватели, инструкторы и кураторы. Ярко горели прожекторы, освещая восьмигранник ринга, очерченный белыми канатами. С одной стороны ринга, немного картинно развалясь, на скамейке сидели пять бойцов ГРУ, в одинаковых зеленых майках и широких камуфлированных штанах. На руках у всех – перчатки без пальцев. Коротко стриженные, какие-то одинаковые, они лениво смотрели по сторонам, осматриваясь.

С другой стороны – девушки. На таких же скамейках. Все – в защите, в шлемах, защитных жилетах, наколенниках и налокотниках.

Натка посмотрела на них и подумала. – «Действительно, бесполые, безликие болванчики... Молодец, Светка...»

На ринг вышла первая пара – Аня Павловская, высокая, кудрявая девчонка и светловолосый парень. Гонг. Бой начался...

Натка во все глаза, не мигая, смотрела, как ГРУ-шник, не дожидаясь, пока Аня осмотрится и начнет, сделал обманный выпад рукой, и тут же, мягко подпрыгнув, нанес ногой в нарядной белой кроссовке сильный удар Ане в голову...

Бой был закончен. Аня так и не поднялась – ее спустили на носилках с ринга, сняли шлем – и Натка увидела, насколько сильный был удар – кожа на Аниной скуле была пробита, из раны текла кровь...

Ужас сковал все тело Натки...

–Они что, железные? – шепнула Лика. – Это ж как надо ударить, чтоб сквозь шлем...

Натка только кивнула – во рту пересохло и в висках стучал пульс.

Аню унесли в санчасть.

Второй бой был таким же коротким. Улыбчивый черноволосый паренек двумя короткими ударами кулаков по бело-голубому шлему, отправил в глубокий нокаут Лиду Манок (такая фамилия странная была у этой девушки), выбив ей три зуба и разбив в кашу бровь...

–Да, вечер перестает быть томным, – прошептала Светка, потирая ладони.

–Ну, что, Кувалда, – Машка от страха и возбуждения сверкала глазами и скалилась, – страшно?

–Не то слово. Страшно до усрачки! Но стоять буду, пока башку не оторвут...

Поединки проходили почти однообразно и пугающе быстро. Редко кто из девчонок успевал нанести хоть один удар. Меньше, чем за минуту, они получали нокаут и окровавленные, уносились с ринга на носилках. Защитные костюмы не спасали.

На ринг вышла Зинка Зинтгер.

–Ну, девки, после Зенитки – мы, у нас секунд тридцать, не больше! – хохотнула Светка. – Готовимся быстро!

Зинка, тем временем, уворачивалась от парня, который сломал Аню, бегала от него по рингу, пытаясь хоть как-то продержаться подольше. ГРУ-шник, не желая заниматься физкультурой, в прыжке ударил Нинку в спину ногой, повалил на зеленый пол ринга, заломил руку назад так, что Зинка охнула от боли, и коротким ударом отправил ее в нокаут...

...Натка очень плохо понимала, что происходит. От адреналина все было в тумане, они вышли на ринг, и Натка услышала шорох голосов. Публика реагировала на их появление.

Вместо закованных в защиту фигур, на ринг шагнули четыре красотки, на шпильках, в макияже, в коротких юбочках, чулках, тонких блузках. Яркие, нарядные, с уложенными волосами, они словно собрались на дискотеку и по ошибке зашли на это зеленое, в капельках крови, поле ринга...

С другой стороны, вышли четыре ГРУ-шника. На их лицах застыло недоумение, они откровенно разглядывали девичьи фигурки, на секунду забыв, для чего они здесь.

–Привет, мальчики! – Машка потрянула красной гривой и помахала рукой. Отвела плечи назад, чтобы блузка натянулась на груди и из-под ресниц глянула на бойцов. – Потанцуем?

–Машка, ты что, лифчик не надела? – шепотом спросила Лика

–А что, думаешь, спас бы, если надела б? Не броник, чай! – ответила Машка и ухмыльнулась.

Натка стояла рядом со Светкой, расставив ноги, и, наблюдая за бойцами.

–Светка, а ведь работает! – шепнула она.

–Еще бы! – довольно шепнула Светка и состроила глазки. – Ну, сейчас начнется...

Натка краем глаза видела, как Машка шагнула вперед, положив руку на пояс юбки.

–Милый! – проворковала она. – Дай я тебя поцелую! – и тут же юбка скользнула вниз, а вслед за ней, и взгляд машинного противника. Машка быстро, как кошка, положила руку на затылок бойца, подпрыгнула и с каким-то зверино-ведьмовским криком врезала в прыжке коленом ГРУ-шнику в челюсть.

Это был сигнал. На долю секунды, отвлекшись на Машкину атаку, остальные бойцы потеряли преимущество. Натка рванула к ближнему, им оказался тот самый, улыбчивый, и что было сил, впечатала кулак ему в лицо, с животным восторгом чувствуя, как хрустнула под костяшками пальцев разрывающаяся кожа. И тут же, без промедления, врезала коленом в живот, отбрасывая от себя противника. Она, словно в замедленной съемке, успела заметить, как Лика, в прыжке, тонкой блестящей шпилькой, бьет в грудь своего противника. Как Светка, всем весом тела сбив на спину своего, бьет его по ушам ладонями, оглушая, и тут же, прямой, Светкин, коронный, в переносицу... Как Машка, рывкнув, вбивает кулак в без того разбитое лицо ГРУшника...

–Получается! – пронеслось в голове. – ПОЛУЧАЕТСЯ!!! – и Натку охватил восторг, страх улетучился, она крикнула громко и звонко, опуская ребро ладони на шею улыбчивого, одновременно ногой сокрушая его ребра...

Она не заметила, как кулак в черной кожаной перчатке, вынырнув ниоткуда, вонзился в ее солнечное сплетение, а следом за ним – второй, такой же – в скулу... В голове зашумело,

перед глазами поплыли круги. Она ударила еще раз ногой, но почувствовала, как твердые, как стальные балки, руки, отбивают ее ногу, увидела белый с красными шнурками кроссовок, летящий прямо в лицо, но уже не успевала ничего, только в последний миг отвернула голову, чтобы удар получился скользящим...

Погасли прожекторы, шум в ушах поглотил все. И Натка почувствовала, как очень медленно падает, не в силах справиться с телом...

Она падала долго, успев отметить, как пульсирует болью разбитое лицо, как заливает рот кровь, как в груди бьется еще один сгусток боли...

Сильно ударившись о ринг щекой, Натка поняла, что сознание еще с ней... Как не хотелось встать с этого такого уютного и прохладного пола, растянуться, замерев всего на десять секунд, и все кончится... Но бьется пульсом – "Солдаты сильные, смелые и веселые"... Сквозь туман слышно, как кричит Светка от боли, как падает рядом Лика, как Машка, каким-то чудом еще устояв на ногах, с хрипом пропускает прямой удар ногой в грудь...

Натка встала. Один глаз заплыл, но вторым она мгновенно увидела, Машку забили к канатам двое, ее почти обмякшее тело вздрагивает под ударами. Светка сцепилась с бойцом, и ее залитое кровью лицо перекошено от боли... Лика встает, бросается на своего, и они падают вместе... «Машка» – пронеслось в голове, и Натка мгновенно оказалась там, где было нужно, за спинами двух ГРУ-шников... Один из них поймал Наткин удар в голову, второй, с разворота, всем телом, снова впечатал кулак Натке в лицо... Это был тот самый, улыбочивый, но с разбитыми и уже не улыбающимися губами, с рассеченной бровью и разбитым носом...

Натка упала... На долгие секунды две-три она все-таки потеряла сознание, но она знала, что Машке нужна ее помощь. И тело уже поднималось на четвереньки...

Сквозь туман она видела, как капли ее крови падают на зеленый настил ринга, как рухнула совсем рядом Лика, раскинув руки в стороны, на спину, сильно ударившись затылком, как золотистые ее волосы слиплись от крови сосульками... Как оседает Машка, из последних сил пытаясь дотянуться ногтями до лица ГРУ-шника, но падает от удара в грудь, взметнув красный сполох волос... Видела, как Светка, рыча, как раненная тигрица, стоя на одном колене, сплевывая кровавые сгустки, бьет ГРУ-шника под дых и тут же пропускает мощный удар в голову, от которого фигурка ее складывается и она, как-то всхлипнув, рушится на пол...

Сильная рука поймала ее волосы на затылке и вздернула лицо...

– Не вставай! – шепнул ей на ухо ГРУшник почти нежно. – Хватит с тебя, девочка...

– Пошпшел ты... коззел! – сквозь разбитые губы выдавила Натка и попыталась ударить его в лицо...

– Ну, извини! – прошептал улыбочивый, и страшный удар в скулу отправил Натку в нокаут...

... Натка открыла глаза, с трудом разлепив веки, и стон вырвался из ее горящих болью губ... Болело все тело – каждая клеточка пульсировала болью с разной частотой, боль заливала тело, сковывала и терзала, подкатывая тошнотой. Больше всего болело лицо... Она ощупала языком распухшие губы, порванную внутри щеку... Правый глаз не открывался...

– Мурашки! – полустон-полушепот услышала она рядом и вдруг поняла, что лежит не на забрызганном кровью ринге, а на белой чистой простыне госпиталя... – Мурашки, блин, хватит притворяться! – Машка ойкнула и приподнялась на локте. Натка повернула голову и невольно засмеялась, Машка напоминала сейчас наполовину размотанную мумию – голова забинтована, на глазу – повязка, все лицо в кровоподтеках, из одной ноздри торчит марлевый тампон. – На себя посмотри, дурочка! – прыснула Машка.

– Дееевкиии! – Ликин голос раздался с другой стороны. – Хватит ржать, ненормальные, дайте спокойно помереть!

Натка осторожно села на кровати, борясь с тошнотой и головокружением, посмотрела на Лику. Та лежала, тоже в бинтах, с опухшими губами, с огромным синяком под глазом.

– Нравлюсь? – улыбнулась она.

– Фигня... Красоту ничем не испортишь, – сказала Натка и удивилась, как плохо двигаются губы... – Блин, всю моську разворотили...

– Девки, а мы их уделали все-таки! – Светка лежала на дальней кровати у окна. На нее совсем страшно было смотреть, все лицо заплыло, узкие щелочки глаз и невероятно распухшие губы, бинты на голове и руке. – Уделали мы грушек-игрушек.

– Ага... Уделали... – Машка, морщась, пыталась сесть на кровати. – Только сами сейчас как не пойми что... Блин, девки, я таких люлей первый раз в жизни отхватила!

– Люли-люли, – простонала-пропела Лика, – не реви, Красная, заживет на тебе, как на кошке!

– На помойной! – добавила Машка, и они вчетвером рассмеялись, морщась от боли.

– Да твою же мать! – слышалось с кровати в углу. – И тут вы!

– Зинка! – Светка радостно вскрикнула. – И ты тут?

– Тут, тут... Ну что, Кувалда, и на тебя нашлась управа? Хоть кто-то тебя уделать смог! Вы четверо на всю башку отмороженные, устроили, понтырщицы, балет, блин... И радуются, дуры, еще – чуть не поубивали нахрен, а они ржут, идиотки...

– Зато не бегали с криками «мамочка»! – Машка села все-таки на кровати, посмотрела на разбитое колено. – Эх, Зинка ты, безрогая скотинка! Ну, ты ведь тоже на больничку прилегла, но мы как эти... Валерии...

– Валькирии! – хохотнула Натка. – сама ты Валерия!

– Я и говорю, Валькирии! А ты как заяц бегала, пока не получила. И ты в больничке, и мы! Но ты как дешевая болванка для отработки кура-маваши, а мы – героини! – Машка горделиво задрала голову.

– И морды, хуже задниц у вас зато! – пробурчала Зинка и отвернулась к стенке.

– Да плюнь на нее, Маш! – сказала Натка. – Скажи лучше, как закончилось все.

– А я знаю! – пожалала Машка плечами. – Я еще раньше тебя отрубилась...

– Да как кончилось! – Светка тоже села на кровати. – Повырубали нас и всего делов... Ну, ничего – через годик я этим грушкам-игрушкам настоящий сталинград устрою, обещаю!

– Дееевкиии! – протянула Лика. – Пожрать бы чего-нибудь, а?

Все засмеялись – громко и весело. Натка смотрела на своих подруг и отчетливо и ясно поняла вдруг – что вот именно сейчас, когда кровь их перемешалась на ринге, они стали настоящими кровными сестрами друг другу... Что никакая сила теперь не сможет победить их... От этой мысли стало так хорошо и тепло Натке, что она крикнула сквозь смех:

– Девки, я вас обожаю!!!

Дверь в палату резко распахнулась, вошел ВикС, как всегда подтянутый, в идеальном сером костюме и белоснежной рубашке, стремительный и поджарый. Как волк. С резкими острыми скулами и черным, с проседью, ежиком волос. Вслед за ними впорхнули кураторы всех четверых. Начальник училища улыбнулся и замер, скрестив на груди руки:

– Ничего с ними не сделалось! – бросил он кураторам. – Хохочут вон, весело им.

Девочки притихли.

– Ну, Красавицы, и устроили вы... – с улыбкой произнес начальник. – Красная, тебе бы в стриптизе работать.

– Легко, Виктор Сергеевич! – звонко и задорно отозвалась Машка. – Прикажет Родина, и пойду!

– Идея чья? – ВикС пристально обвел всех взглядом.

– Моя, Виктор Сергеевич. – Светка встала, опершись на спинку кровати.

–Да ты ложись, Светлана, ложись... Молодец! Просто мо-ло-дец! И ведь я даже поверил было, что сработает! Особенно, когда Красная юбчонку сбросила! – Начальник подмигнул Машке.

–Рада стараться, Виктор Сергеевич!

–Да видел уж, как рада... Ну что, сильно болит? – спросил он совсем уж мягко.

–Нормально... Терпимо... Есть только хочется. – Лика улыбнулась. – А мы дольше всех продержались!

–Да не просто продержались... Молодцы, девчонки. Не посрамили училище! А то совсем уж, как котят... Да еще Зинтгер устроила заячьи бега... Совсем стыдно было... А вы – молодцы, герои настоящие! Значит, так. – Начальник перешел на официальный тон. – По ходатайству кураторов, руководство училища решило пойти на беспрецедентный шаг, поощрить курсанток Снежную, Красную, Соловей и Шторм увольнением в город на двенадцать часов. Конечно, когда вас можно будет в город выпускать. – Виктор Сергеевич улыбнулся. – Давайте, выздоравливайте.

Он вдруг поймал глазами Натку:

– А ты, Соловей, порадовала больше всех... Не думал, если честно, что боец такой из тебя получится, из домашней девочки... Валькирия! – усмехнулся он. – Да, кстати, гости к вам тут... Красная, только без стриптиза давай! – Начальник стремительно вышел, увлекая за собой кураторов.

В палату вошли четверо парней в камуфляжной форме, неуклюже замялись на пороге, смущенно опустив глаза. Лица всех четверых были побиты.

–А-а-а, грушки-игрушки! – Машка замахала рукой. – Привет, мальчики!

Натка поймала взглядом улыбчивого. Разбитые губы, нос, синяк под глазом, набрякшее веко...

–Ну, чего встали? – Светка улыбнулась. – На ринге такими застенчивыми не были вроде.

–Девчонки! – кашлянув, неуверенно начал улыбчивый...

–Ой, девоньки, щцазз в любви вечной признаваться будут, не иначе! – Машка кокетливо повела плечом, позволив больничной рубашке скользнуть с него.

–Машка! – Лика махнула рукой. – Хватит уже!

–И правда, Маш! – сказала Натка. – Совсем засмущала мальчиков!

–Девчонки, мы тут вам принесли... – Парни стали торопливо вытаскивать из многочисленных карманов своих яблоки, мандаринки, шоколадки и конфеты, складывая на ближайшую, Наткину тумбочку. – И вот еще, – и, улыбчивый откуда-то из-за спины вытащил четыре красные розы и раздал девчонкам по одной, смущаясь и почти краснея.

Девочки притихли. Даже Машка, только задумчиво водила цветком по опухшим губам.

–Девчонки... – опять начал улыбчивый, – вы уж простите нас, что помяли... Разозлили вы нас крепко! – как школьник, оправдывался он. – Первый раз нас так... девочки... Ты как, красавица? – обратился он к Натке.

–Нормально, – улыбнулась Натка.

–Ой, девки, умру сейчас! – Машка сложила руки перед грудью. – Луубооов!!!

Все, включая парней, засмеялись.

–Тебя Маша зовут? – подал голос один из них.

–Марья, – поправила Машка, нахально буравя его глазами.

–Марья... – попробовал на вкус имя парень. – Спасибо за шоу, Марья! – улыбнулся он, – еще бы чуть-чуть, и уделали бы вы нас, честно.

–Вы на нас зла не держите, девчонки... – опять улыбчивый, – работа такая... Но честно сказать хотим – достойные вы противники. Злые. И красивые. Если на следующий год повезет, опять приедем.

–Приезжайте, милости просим! – Машка поклонилась. – Только тогда мы вам мандаринки понесем уже!

ГРУ-шники пожали всем четверым руки, собрались уже уходить.

–Спасибо, парни! – серьезно сказала Светка.

–За что? – Удивленно обернулся улыбчивый.

–За науку... За то, что не жалели нас на ринге... За все...

Парни смутились.

–И за розочки! – тихонько сказала Натка.

–И за конфеты! – добавила Лика, шурша фантиком.

Все снова засмеялись, парни поздравили девчонок с Новым Годом, пожелали скорейшего выздоровления и ушли.

–Зинка! – позвала Светка. – Пошли Гру-шные гостинцы есть!

–Иди ты в задницу, Кувалда! – приглушенно донеслось с кровати Зинки. Девочки все посмотрели на скрючившуюся под одеялом фигурку и поняли одновременно, что Зина плачет...

Глава 5

...Все ждали подведения итогов года. Натка даже думать боялась о том, кого объявят на отчисление. Она, конечно, в глубине души, очень надеялась, что их четверку оставят, взяв во внимание результаты спарринга с бойцами ГРУ, но страх все равно оставался. Она с завистью смотрела на Машку. Той, казалось, вообще все было нипочем. Она, по-прежнему, так же, как обычно, хохмила, трясла своей шевелюрой и всячески изображала беспечность и бесшабашность. Но Натка замечала и в машинном взгляде притаившийся страх быть отчисленной. Натка мысленно подводила итоги своего обучения, прикидывая, что она умеет, а что нет, пытаясь успокоить себя тем, что она, в принципе, почти готовый специалист для, например, уголовного розыска. Но Натка так плохо представляла себе специфику работы, что сомневалась отчаянно, нужна она или нет, в системе МВД, с тем набором навыков и знаний, который у нее был. Наконец, совершенно измотав себя этими терзаниями, Натка собралась с духом и пошла к Анне. Поговорить.

– Проходи, Натка, садись – Анна с улыбкой встретила Натку в своем кабинете. Натка села в кресло, Анна – на стул напротив, закидывая ногу на ногу и одновременно убирая за спину волосы.

«Боже, как же красиво она это делает!» – восхищенно подумала Натка. – «Надо запомнить и попробовать так же, это очень красиво, думаю, мне подойдет такая фишка».

– Что-то случилось? – улыбнулась Анна.

– Нет, не случилось, – в ответ улыбнулась Натка. – Пока, во всяком случае...

– А что, может? – брови Анны полезли вверх.

– Так всегда что-то может случиться, – улыбнулась Натка. – В любую минуту. Мы же не знаем, что будет через пять минут или меньше. Только то, что прошло, известно. А что впереди – кто знает, – Натка пожалала плечами.

– Ах, ты вон в каком смысле – Анна откинулась на спинку стула, закурила. – В философском, так сказать. Поняла... Ну, давай, рассказывай!

– Я поговорить хотела. – Немного неуверенно, начала Натка и подумала, что, наверное, ее визит выглядит как попытка уговорить оставить в училище.

– И что? – Анна опять улыбнулась – Уже перехотела?

– Нет, не перехотела... Просто... Я нервничаю... Спать плохо стала... Страшно...

– А, ты про отчисление?

Натка кивнула, вздохнув.

– Ну, Соловей, удивляешь! – Анна искренне изумилась. – Не думала, что ты можешь сомневаться в себе! Не производишь ты впечатление неуверенной девочки!

– А я, оказывается, вот такая и есть...

– Так это же нормально! – Анна махнула рукой. – Ты же не робот, не деревянный солдат Урфина Джуса! Ты, слава Богу, человек! С эмоциями, с мыслями, с чувствами! Так что, это нормально, бояться завтрашнего дня!

– А разве бояться, в принципе, это хорошо? Даже, пусть неизвестности? Нас же учат побеждать все, и свой страх тоже! Выходит, я не научилась...

– Брось, Натка, ерунду говоришь! Бояться, как говорят пацаны с Уралмаша, не западно! Страх, а особенно страх неизвестного, это очень нормально! Не бояться только те, у кого ничто отсутствует инстинкт самосохранения! А это, по сути, не совсем здоровые люди, как мне кажется! Так что твой страх – признак твоего душевного здоровья! Воспринимай это так, может, станет легче!

– Думаешь, станет? – неуверенно спросила Натка.

– Уверена! И я так думаю, ты хотела спросить, остаетесь вы вчетвером или нет? – Анна пристально посмотрела Натке в глаза.

– Если честно, то да, хотела, – созналась Натка, вздыхая. – Сил нет уже, извелась вся!

– Ну, тогда скажу тебе очевидное, – засмеялась Анна и взъерошила Натке челку. – Да, вы остаетесь! Эх ты, шпий! Могла бы и сама догадаться! И не изводить себя!

Натка почувствовала, как огромный груз, исчезает с ее души.

– Ффффууухх – выдохнула она. – Как гора с плеч!

– Когда гора с плеч, береги пятки! – подмигнула Анна.

– А это к чему? – ошарашенно спросила Натка. – Про пятки?

– Да так, ни к чему! – махнула рукой Анна. – Просто, очередной афоризм тебе, в копилку эрудиции!

– Хороший, блин, афоризм – задумчиво сказала Натка, вставая. – Спасибо, Анна!

– Да не за что! – Анна улыбнулась. – Ну, все, Натка, беги на занятия!..

...Занятия по взрывному делу вел строгий и суровый Игорь Петрович, подполковник в отставке, прошедший, практически, все войны, которые выпали на его жизненном пути. Это был мощный, как былинный богатырь, мужик, с огромными руками и сердитым лицом. Натка даже не верила, что этот человек, мог улыбаться. У Гоши (так называли его курсантки), был низкий, рокошующий голос. Такими голосами, в кино, разговаривают какие-нибудь злодеи – хрипый, низкий голос, надтреснутый и леденящий кровь.

На низко посаженной голове Гоши, блестела лысина, окаймленная седым зазорным пушком. И этот белый пух на голове, начисто рушил образ угрюмого великана. Казалось, кто-то рисовал Гошу вот таким, большим и суровым, но в конце, психанув, нарисовал ему милый белый пушок на голове.

– Соловей! – пророкотал Гоша, указывая на шашку пластиковой взрывчатки, лежащую на металлическом столе, вокруг которого стояли курсантки. – Что это?!

Он спросил это так, что Натке невольно захотелось ответить «Это не я!»

– Семтекс – ответила Натка. – Или, в простонародье, пластид!

– В простонародье? – Гоша хмыкнул. Очевидно, это была усмешка. – Что мы можем сделать с Семтексом?

– Бахнуть! – ответила Машка. Курсантки захихикали.

– Тебе, Красная, лишь бы бахнуть! – проревел Гоша, покачав головой, и, удивляя Натку тем, что, оказывается, не имея шеи, голова все равно может качаться. – Бахало! Кроме бахнуть, что еще? Соловей? Чего притихла? Шторм, помогай певчей птичке!

– Можно заполнить какую-нибудь полость, чтобы усилить разрушающее действие – ответила Светка.

Гоша кивнул, рыкнув что-то невнятное.

– А если я сделаю вот так? – спросил Гоша и поднес зажигалку к бруску. В его огромной ладони блестящая Зиппо казалась микроскопической. Гоша откинул крышечку зажигалки, чиркнул колесиком. Курсантки испуганно ахнули и отпрянули. Натка даже бровью не повела.

– Ничего не будет! – сказала Натка. – Просто будет гореть. Из него, если сильно захочется, можно свечи лепить!

– От геморроя! – сказала Машка. Курсантки засмеялись.

Гоша зыркнул на Машку из-под бровей, которые выглядели как кусочки пуха с его головы, крякнул недовольно.

– От тебя, Красная, никакой свечкой не отмашешься! – сказал Гоша. – Только если святой водой опрыскать. И то, вряд ли поможет!

Все засмеялись еще громче.

– Я что, получается, какой-то дьявольский геморрой? – возмутилась Машка.

– Да – подтвердил Гоша. – Исчадие ада, наказание рода человеческого!

– С повышением, Красная – хихикнула Лика.

– Спасибо, Игорь Петрович! – Машка поджала губы.

– Пожалуйста, Мария Ивановна! – ответил Гоша. – Ну, Соловей, давай, расскажи, как ты при помощи этого куска пластилина, сможешь, например, уронить антенну РЛС зенитного комплекса? Диаметр стойки антенны, ну, допустим, тридцать сантиметров.

Натка наморщила нос.

– Скатаю в колбаску, оберну вокруг стойки, вставлю дистанционный детонатор, – отбарабанила Натка, откидывая волосы за спину рукой. – Как-то так, Игорь Петрович!

– Молодец! – похвалил Гоша. – Оценка пять! Итак, следующее занятие – на полигоне, так что все приходим в форме, а не как на дискотеку!..

...Построение по случаю окончания года, ВикС решил провести на улице, перед учебным корпусом. Весеннее солнышко, уже начало пригревать, в воздухе пахло весной. Сосульки плакали, прощаясь с крышами. Снег оседал рыхлыми кучами, посеревшими от влаги. Курсантки стояли, построившись в шеренгу. ВикС, в сером пальто и белом кашне, нарядный, как жених, прохаживался вдоль строя.

– Итак, товарищи курсанты! – сказал ВикС, остановившись по центру строя и повернувшись к нему. Он заложил руки за спину и стал раскачиваться с пяток на носки. – Сейчас я назову тех, кто останется для дальнейшего обучения. Остальные, по традиции, идут в столовую, где им вручат их направления на работу! – строй замер. – Итак! Светлана Шторм! – объявил ВикС. – Мария Красная! Анжелика Снежная! Наталья Соловей! Зинаида Зинтгер! Анна Павловская! – ВикС хлопнул в ладоши. – Вот, девушки, это все! Остальные – шагом марш в столовую!

Натка стояла, закрыв глаза и чувствуя, как солнце ласково греет ей лицо. Она улыбалась...

Глава 6

–Эй, соня! – Натка сквозь сон слышала шепот – Вставай, все проспидишь!

Натка с трудом открыла глаза, потерла лицо ладонями. Перед ней стояли Света, Лика и Машка, в ночнушках, с каким-то огоньком в руках – спросонья Натка не сразу поняла, что это зажженная свечка.

–С Днем Ро-Жде-Нья! – шепотом проскандировали девчонки, и Машка тут же полезла обниматься.

–Ненормальные! – улыбнулась Натка. – До утра потерпеть не могли?

Она села на кровати, с трудом высвободившись из Машкиных объятий «Маааш, ну пусти-иии!», вопросительно уставилась на подруг.

Света из-за спины вытащила плоскую картонную коробку, перевязанную красной ленточкой.

Вот! – Выдохнула Лика. – От нас!

Натка развязала бант, аккуратно сняла крышку.

В коробке, устланной изнутри красным бархатом, сидел плюшевый котенок, белый, с голубым бантом. На его шее радужными брызгами сверкал браслет.

–Ты не думай, мы с Мариной все договорились, чтоб выбрать и подарить, а котенка живого нельзя, пришлось вот... – оттараторила Лика и мазнула Натку губами по щеке.

Натка сняла с шеи котенка браслет, приложила к запястью:

– Ой, красивый какой! Дееевкиии, спасибо вам!

Она раскинула руки и все трое, смеясь уже в голос, упали к ней в объятия.

–Блин, опять вам не спится! – пробурчала взлохмаченная голова с ближней кровати.

–Сашка, усохни, зараза! – цыкнула Машка, махнув рукой.

–Ну, именинница, – Света выпрямилась, сделала торжественное лицо, – поздравляем тебя мы все... Блин, не умею я говорить... В общем, Наташка, пусть все твои печали закончатся и с сегодняшнего дня все у тебя будет хорошо!

–И любви! – добавила Машка. – Большой и чистой!

–И счастья! – улыбнулась Лика.

–Девочки... – Натка поморгала ресницами, – какие же вы... Так люблю вас, дурочки!

Они все уселись на Наткиной кровати, подобрав ноги, хихикая над Ликой, которая вытащила пачку печенья и стала с оглушительным шелестом ее открывать.

–Чего ржете, дурищи! – сосредоточенно деля печеньки на всех, шепнула Лика. – Торт только вечером будет, так что только печенье, уж извиняйте.

И они, хихикая, ели эти печеньки, стараясь не крошить на кровать.

Натка умиленно смотрела на своих подруг темными и блестящими в пламени свечки, глазами, улыбаясь и чувствуя себя самой счастливой на свете – у нее настоящий день рождения – с угощением, с подарками и самое главное, с подругами, которых она любит...

–Ну, гости дорогие! – сказала Светка. – Пора и честь знать. Через пять минут подъем, так что закругляемся.

–Ой, – Натка быстро начала выбираться из-под одеяла.

–Лежи, именинница, ты чего? – Машка встала, отряхиваясь от крошек, – ты же сегодня – вольная птица, что хочешь – то и делаешь!

–Точно... Вот бестолочь! – Натка улыбнулась. – Тогда чешите отсюда, спать буду!

–Давай, спи, если совесть не мучает. – Машка сверкнула по-кошачьи зелеными глазами.

–Неа! – Натка завожилась, укутываясь потеплей. – Не мучает! Сучка я злорадная! – и она показала Машке язык.

Та схватила подушку и треснула Натку по голове, хохоча, все повалились на Натку и та в голос закричала:

– Дуры, раздавите, идите, холеры, одевайтесь уже, дайте повалиться!

Лица щекотала Натку, и та, задыхаясь от смеха, отталкивала ее руки, одновременно пытаясь ногой скинуть с себя Светку с Машкой, которые добрались до ее пяток и начали щекотать их.

– Зааарааазыы! – сквозь смех выдохнула Натка, и тут зажегся свет, в динамике раздался голос дежурного преподавателя и на кроватях завозились девчонки, просыпаясь.

– В ванну! – скомандовала Светка, и Лица с Машкой, смеясь, помчались вслед за ней, оставив отдувающуюся Натку на спутанной кровати.

Натка подняла с пола упавшего плюшевого котенка, еще раз полюбовалась на браслет на руке и укуталась в одеяло.

– Дурочки! – ласково прошептала она, прижала котенка к себе и уснула...

...Она проснулась примерно через час, потянулась и выскользнула из-под одеяла. Быстро заправив кровать, и, усадив белого котенка на подушку, Натка быстро умылась, нарядилась, оделась в ослепительно-белую нарядную блузку и красную юбку, расчесала волосы перед зеркалом и пошла в столовую.

В училище курсанткам в день рождения разрешался свободный график, можно было когда угодно и сколько угодно, ходить в столовую, набивать карманы сладостями, смотреть телевизор, читать, или просто хоть целый день, валяться на кровати, предаваясь безделью.

Но Натка, быстро позавтракав, и, с улыбкой приняв поздравления поваров и официанток, отправилась в музей...

...Натка очень любила ходить в музей... Он напоминал ей храм – да и не только ей – обычно, даже шумливая Машка притихала и старалась говорить в нем в полголоса.

Музей был красивым. Белые стены, холодный блеск стеклянных витрин, многочисленные стенды, экспонаты на белых подставках – все создавало ощущение торжественности.

И, конечно – Черная Дверь...

Это была большая плита из черного мрамора, на которой золотом писали имена всех погибших выпускниц. Над колонками имен – надпись – «Сестры, вы всегда в нашей памяти...»

Натка тихонечко, стараясь не цокать каблучками по серым плиткам пола, подошла к Двери и села на маленькую черную банкеточку, как делала уже не раз.

Перед плитой, на черном мраморном постаменте, горел Вечный Огонек, именно так, огонек, звали его все. Серебряная роза, в цветке которой горело маленькое пламя.

Натка вдохнула, расправила складки юбки, коснулась пальцами серебряных лепестков.

Горячие... Натка погладила стебель, листочки этого огненного цветка, и стала вглядываться в имена на черном, с льдистыми прожилками, мраморе.

Она пыталась представить себе этих девочек, какими они были, что любили...

Имен было много...

Натка скользнула пальцами по холодному мрамору, чувствуя подушечками вырезанные буквы, словно пытаясь прочувствовать, какие люди стоят за золотыми этими письменами...

Перед плитой, рядом с розой, лежали две алые гвоздички. Здесь всегда лежали цветы. Кто и когда приносил их – никто не знал, но цветы лежали почти всегда.

Натка погладила резные кроваво-красные, особенно яркие и такие живые на фоне черного мрамора, лепестки...

Гвоздички были теплыми и нежными на ощупь, Натка провела еще раз, едва касаясь, любясь этими незатейливыми цветочками...

– Как кровь. – Подумала она. – Кровь на черном камне...

Натка снова начала вчитываться в имена.

Про многих она читала, тут же, рядом с плитой, на подставке, лежала Книга Памяти, в которой о каждой из погибших было написано подробно, были их фотографии. Натка часто читала эту книгу в тяжелой черной обложке, пристально вглядываясь в такие молодые, красивые, чаще всего, улыбающиеся девичьи лица.

И сейчас, бегая глазами по мрамору, она видела имена, некоторые из которых стали ей знакомы, она тут же вспоминала фотографии, узнавала, и едва кивала им, как знакомым...

«Куда угодно – только не в Черную Дверь» – вспомнила Натка мрачную поговорку, которую часто произносили курсантки.

В полированной поверхности мрамора Натка видела свое отражение – и казалось ей, что вторая Натка, перейдя через грань реальности, знакомится сейчас с девочками, которые навсегда останутся молодыми и красивыми...

–Сестры...– выдохнула Натка, снова касаясь золотых букв. Она подумала вдруг, что сейчас сидит у алтаря, и святые ее – погибшие девочки... Сестры... Ангелы... Только святые эти не просят ни молитв, ни подношений, ни преклонения коленей – они просят лишь одного – чтобы она, Натка Соловей, всегда была достойна прийти в их храм, коснуться серебряных лепестков их огненной розы, читать их святые имена... Она думала о том, что только что сама для себя придумала самую правильную и самую честную религию, с честными и такими красивыми святыми... с ангелами...

Натка вздохнула, еще раз коснулась холодного мрамора, горячих лепестков серебряной розы и шелковых и нежных, красных гвоздичек и встала в полный рост.

–Сестры... – шепнула она. – я не предам вас... Никогда... Обещаю...

И Натка, стремительно повернувшись, вышла из музея...

И только эхо ее каблучков еще несколько мгновений отражалось от холодного мрамора Черной двери, заставив всколыхнуться язычок пламени в серебряном цветке...

...День шел своим чередом. Натка подгадала, чтобы пообедать вместе с девочками, за полдня она успела соскучиться по ним.

Она сидела за столом, подперев голову рукой, и любовалась своими подругами, сердце ее наполняло тепло.

А Машка опять устроила цирк.

Натянув на голову салфетку наподобие платочка, она противным блеющим голосом начала распекасть Лику за то, что та плохо ест:

–Ой, внученька, совсем взбледнула ты что-то, кушать надо больше, сил набираться, чтобы не падать больше на полосу, не ронять в грязь автомат, чтобы бабушке не пришлось потом на карачках, аки свинье, ползать и доставать его оттуда. А ты что, голуба, думаешь – пенсия у бабушки такая, чтоб каждый раз юбки новые покупать, да туфли менять, грязью изгвазданные? Ты что это, ясочка моя, кушай давай, кушай, моя яхонтовая, поправляйся, будешь жиирной, тооолстой, в грязи тонуть не бууудешь... – и Машка, набрав в ложку гречневую кашу с огромной горкой, попыталась поднести ее к Ликиному рту.

–Машка! – Светка отвесила подзатыльник «бабушке». – Дай поесть спокойно, от смеха в горло не лезет ничего!

–Светлана! – вмиг сменив личину, Машка загундосила в нос, усуконив физиономию до предела. – Я из вас эту дурь вышибу! Развели тут бабский политес! Потрудитесь проявить хоть толику уважения к возрасту! Проявите, закрепите и зазерните!

Тут уж грохнули все, мгновенно узнав Валеника в Машкиной клоунаде.

Натка смеялась до слез, с любовью глядя на представление Машки, догадываясь, что именно для нее сейчас кривляется эта красноволосая оторва, и от этого ей становилось еще теплее.

– Соловей! – вперив в Натку свои глазищи, вдруг опять сменила тон и голос Машка. – Ты почему развалилась, как площадная девка? – и все опять грохнули, узнав Викторину Никоннову, преподавателя по сценическому движению и сценической речи. – Ну, кто так изображает радость, Соловей? Что это, бог ты мой? Вялые руки, никакая спина! Фу, Соловей, фу и фу! Не веесеруюю!!! Соловей, немедленно покажите мне необъятное, всепоглащающее, все-ленское, дистиллированное и рафинированное счастье, немедленно! Слышите, не-мед-лен-но! Иначе, Соловей, я с прискорбием вынуждена буду отправить вас на кросс! И тогда, пробежав законные свои шесть километров, вы поймете, что значит... – Машка осеклась и торопливо стянула с головы салфетку. – Здравсьте, Анна! – сказала она и, как ни в чем не бывало, начала с серьезной миной есть котлету.

В столовую, улыбаясь, вошла Анна.

– Маша! – обратилась она к Машке.

– А?

– Я надеюсь, когда я выйду, ты покажешь меня так же похоже, как остальных преподавателей?

– Вы о чем? – невинно хлопая ресницами, Машка вытаращила сияющие непониманием глаза. – Ем я, никого не трогаю.

Все опять засмеялись, включая Анну.

– Ох, Мария, Мария... – покачала головой куратор Наташи, – твою бы энергию...

Она подошла к столику и положила перед Наткой конверт.

– Письмо тебе, Натка! – тихонько сказала она и быстро вышла, подмигнув Машке у самой двери.

– Я надеюсь, когда я выйду, ты не будешь скакать от счастья, как ненормальная? – подражая Анне, спросила Машка у Наташи.

Смех опять прокатился по столикам.

Натка улыбнулась и взяла конверт в руки, быстро прочитав адрес.

– От Дяди Сережи! – сообщила она, расплываясь в улыбке.

– Ну, Мурашки, все тебе сегодня в кучу! Прямо настоящий день рождения! – в Машкином голосе проскользнула зависть.

Вообще, письма были очень редки в училище – некому было писать девочкам письма.... Пожалуй, только Зинка, которой пару раз написала ее подруга, кроме Натки, еще получала письма.

– Читай уже скорее! – заерзала Машка.

– Я потом, – тихо сказала Натка и положила конверт рядом с собой.

– Кузнечик, дай бумажку, в туалет сходить! – ухмыляясь, бросила Зинка.

– Заткнись! – бросила Света, даже не взглянув. – Глаза выдавлю...

Зинка съежилась и уставилась в тарелку.

Все стали вставать, собираться на занятия, зашуршали ножки стульев, зазвенели вилки.

– Ну, именинница, до вечера! – улыбнулась Светка загадочно, и Натка через секунду осталась в столовой одна. Она медленно допила сок, оттягивая момент, когда вскроет конверт с загнутым уголком, встала и пошла в спальню. Там она устроилась на подоконник, минуту жмурилась на весеннее солнышко, морща нос, и, наконец, аккуратно, чтобы не порвать, вскрыла конверт и достала из него тетрадные, в клеточку, листочки с синими узорчатыми строчками...

– Здравствуй, Натка! – писал дядя Сережа. – Извини, что долго не отвечал, мотался по командировкам, а потом технику принимали, а потом меня повысили, дали роту, пришлось пожить пару недель в казарме. Как твоя учеба? Мне начальник училища писал, что ты молодец, горжусь тобой, девочка. Правда, пока не закончишь училище, увидаться не получится, так что потерпи немножко, половину почти отучилась.

У нас все по-старому, город хорошеет, становится чище. Новый год как отметила? Как подружки твои поживают? У меня новость для тебя, не знаю, хорошая или плохая. Про родственников наших. В общем, продала тетя Оля квартиру твою, всех обманула опять, почти все себе захапала, купили они машину с мужем. Месяц не поездили, врезались в какой-то крутой джип, втроем, дядя Коля умер почти сразу, а самой Ольге пришлось и квартиру свою продать, чтоб за джип рассчитаться, да я немного помог, кое-как выкрутилась, да головой повредилась совсем. Сейчас лежит в психдиспансере. Я заходил, думал, помочь чем, она грязная, дикая, в одиночной палате, волосы в паклю спутались, так обрезают ей, никого к себе не подпускает, все бумажки рвет и стопочками складывает. А потом считает эти бумажки и прячет везде. И приговаривает «вот Наташка приедет, отдам деньги ее проклятые»... Врачи думали, что она тебя увидит, немного просветлеет, показали ей фотографию твою, она набросилась, фотографию зубами разорвала и долго успокоиться не могла...

Натка отложила письмо и глубоко вздохнула, пытаясь отогнать страшную картину – тетя Оля на четвереньках, больше похожая на животное, с грязными, ключьями свисающими волосами, рвет зубами ее, Наташину, фотографию... Она снова пожмурилась на солнышко и снова склонилась над листочками.

– Так что, Натка, есть справедливость на свете, ты верь и всегда помни об этом. А сынок их в детдоме сейчас – никто из родни брать не захотел, вот так судьба распорядилась.

Папе и Маме памятник я поставил, оградку хорошую сделал, как отучишься, приедешь, сходим к ним.

Скучаю я по ним, любил я семью вашу, и тебя, девочка, люблю и скучаю по тебе...

Натка опять оторвалась от письма, проглотила горький комок и задумалась. – Родители... А ведь все реже вспоминаю про них... Неужели забываю? – с ужасом подумала она и помотала головой. – Нет, не забываю, никогда не забуду...

– А я ведь, Наташка, женился, старый дурак. – Натка улыбнулась. – Приедешь, познакомлю тебя, она хорошая у меня, только заполошная немного, но добрая. Квартиру мне дали. В общем, девочка, все у нас нормально, приезжай скорей, я очень соскучился. Выросла, наверное, невеста уже, большая и красивая?

Не знаю, как быстро дойдет письмо, но поздравляю тебя, девочка, с днем рождения. Единственное, чего хочу пожелать тебе, так это чтобы никогда никто не смог сказать про тебя, что ты зря жизнь прожила, чтобы любили тебя все, и чтобы как можно скорее в жизни твоей все стало хорошо. Будь счастлива, Натка.

Пиши мне, пиши чаще, я волнуюсь за тебя.

Твой Дядя Сережа.

Натка перечитала письмо еще раз, чувствуя, как щиплет глаза от слез, вздохнула, глядя сквозь влажную пелену на глазах на залитый солнцем двор училища, и думала, как много изменилось в ее жизни за такой коротенький кусочек времени... «Время», – подумала Натка – «так странно бежит оно... Вот, вроде совсем недавно – и ходила она в школу, были папа, мама, все было светло и хорошо... Почему-то в воспоминаниях – всегда тепло и лето... А вот момент, когда приехала она с Дядей Сережей, стояла перед КПП – как будто сто лет назад было, и уже не помнит она, в чем была одета, варежки красные, шарфик... Память тоже странная штука» – продолжала думать Натка, вздохнув и разглаживая листочки письма – «что-то врезается так, что и хочешь забыть, а не можешь, и подсовывает память постоянно картинки... Две открытые могилы... Грязь, перемешанную со снегом... А вот мамина улыбка – как ни старайся – как будто сквозь туман, размыто и нечетко... И голос отца... И воскресенья – когда все были в сборе, когда Натка, маленькая еще совсем, утром на цыпочках прокрадывалась к кровати родителей, и холодной рыбкой ныряла под одеяло к ним, безуспешно пытаясь обнять сразу обоих маленькими своими ладошками... Так далеко и так давно это все... И только эти листочки,

исписанные твердым, размашистым почерком Дяди Сережи, сам Дядя Сережа – вот и все, что осталось у Натки от той, светлой, счастливой жизни...»

Письмо было теплым и приятным на ощупь, оно пахло чем-то давно забытым, неуловимым, Натка, морща нос, нюхала его, пытаясь вспомнить этот запах, но ничего не вспоминалось... Она лишь удивлялась, как много всколыхнул в душе этот белый посланец из прошлой, кажущейся теперь нереальной почти жизни... Она с любовью разглядывала и картинку на конверте – какого-то незнакомого дядьку на лошади, с очень серьезным лицом, с саблей в руке, подписью «Милош Обилич», подумав, кто такой, этот Милош... Провела пальцами по строчкам адреса...

Натка смахнула слезинку, повисшую на ресницах, поудобней устроилась на подоконнике, вздохнула глубоко и принялась медленно, аккуратно, складывать письмо по складочкам, едва касаясь его кончиками пальцев.

Чья-то рука резко и быстро выхватила письмо из рук. Натка, оторопело заморгав, подняла глаза.

Зинка... Натка протянула руку к конверту:

– Отдай. – Шепотом сказала она. – Это мое.

Ей очень неприятно было видеть, как грубо держат письмо Зинкины неопрятные руки с короткими пальцами и небрежно накрашенными ногтями.

– Отдай! – уже в голос сказала Натка.

Зинка пробежала глазами по строчкам, противно ухмыльнулась. Натка сморщилась – до того мерзко было понимать, что эти глаза читают сейчас такие родные строчки, словно они могли испачкать их этой тушью на ресницах с комочками и самим прикосновением взглядом.

– Забери, шлюшка! – рот Зинки опять растянулся в ухмылке. – Дядюшка пишет, ага? Друг семьи, ага?

– Не твое дело! – Натка чувствовала, как закипает в ней злость, но так не хотелось ей портить свой День Рождения скандалом с этой дрянью.

– Дяденька, наверное, хорооооший! – кривляясь, Зинка отступала задом, пряча конверт за спиной. – Наверное, конфетки носил? Наверное, тискал тебя, шлюшку маленькую? Хотя, кому ты нужна такая костлявая уродина.

– Заткнись!!! – крикнула Натка, сжимая кулаки.

– Нееее, он, наверное, мамочку тискал! – противным голосом сказала Зинка. – Папочка уедет, а дяденька мамочку тискал. Мамочка, наверное стонала, как шлюха – ах, ах, дяденька, еще, еще! А потом папочка приходил и рогами в двери не влазил.

– ЗАТКНИСЬ!!! – Натка крикнула, что было сил. В голове часто-часто стучал пульс, в ней клокотала ненависть к Зинке, она едва сдерживала себя.

– Мамочка у шлюхи тоже шлюха, спала с дяденьками, ноги раздвигала, такая же уродина и сука, как ты, мразь! – выкрикнула Зинка. – Как я вас ненавижу, отребье, шлюхи сраные, Ты такая же – и мать твоя такая же шалава, и родители твои мрази и правильно, что сдохли, жаль, что ты вот, сука... – Зинка не закончила. Она захлебнулась словами, поймав удар ногой в живот.

Натка, не помня себя от ярости, быстро выхватила из рук Зинки письмо, засунула его под блузку.

– Ты сдохнешь сейчас, тварь. – Спокойно, монотонно, раздувая побелевшие ноздри, сказала она. – Сдохнешь, понимаешь? – она схватила Зинку за волосы, и с силой несколько раз ударила ее лицом об колено, с удовольствием увидев, как брызнула кровь, как заныла Зинка, как забилась она, пытаясь вырваться. Натка швырнула Зинку на пол – та упала, неуклюже, на спину и тут же засучила ногами, сломав каблук, пытаясь отползти от Натки. На разбитом, облитом кровью лице ее застыл животный ужас, она поняла, что Натка сейчас просто в бешенстве и действительно может если не убить, то покалечить точно.

–Пшутла... Прсти... – бормотала она, раскорячившись на полу. Юбка задралась, чулок на коленке порвался, отломленный каблук болтался на лоскутке кожи, блузка в дикий оранжевый горошек вылезла из-под юбки. Зинка была жалкой и всем видом своим вызывала у Натки чувство омерзения.

–Я тоже пошучу сейчас, тварь, – процедила Натка, и носок ее туфли врезался Зинке в щеку. Натка снова схватила Зинку за волосы, с силой ударила о стену головой, подняла визжавшую уже в голос от страха и боли Зинку на ноги, прислонила к стене.

–Наткечка... – начала было Зинка, но закашлялась, брызгая кровью, от сильного удара коленом в живот.

–Пора подышать, сука... – прошептала Натка и стал избивать Зинку, страшно, изо всех сил, не давая той упасть, ногами, руками, как на тренировке по груше, била она уже просто хрипевшую Нинку, с упоением впечатывая кулаки в ее рот. – Никогда ты сука, никогда больше не скажешь ничего! – шептала Натка, выдыхая с каждым ударом. – Сука, сука...

Сильные руки вдруг схватили ее, потащили от тут же рухнувшей Зинки, в ушах звенело и, сквозь звон, испуганный Светкин голос:

– Натка, хватит! Убьешь ведь!

Натка вырвалась, успела пнуть Зинку в живот, но ее снова схватили – за одну руку Машка, ее глаза испуганно блестели изумрудами, за другую, Светка. Натка мычала, пыталась вырваться, затрепала по швам белая праздничная блузка, но девочки крепко держали ее.

– Натка, Мурашки, милая моя, хорошая, ну успокойся, ты чего? – приговаривала Машка. Но Натка только мотала головой и вырывалась, ярость клокотала в ней.

Она увидела, как вошла Анна, как нахмурились ее брови, когда она увидела страшную эту картину: рвущуюся из рук подруг Натку и стонущую, пытающуюся забиться в угол, обливающуюся кровью Зинку в разорванной блузке.

Она влепила Натке сильную пощечину, еще одну, приблизила свое лицо к ее глазам.

–Натка... Хватит... – тихо сказала она.

Но от пощечин Натка не только не успокоилась, ярость с новой силой охватила ее, она снова вырвалась, оставив в руках Светки рукав блузки, подскочила к Зинке, стонущей и рыдающей на полу, и снова начала бить ее головой об пол, шипя, как кошка:

– Сдохни! Сдохни!...

Машка опять скрутила ее, оттащила, приговаривая что-то на ухо, Натка не слышала... Она услышала только шаги, как на руках щелкнули наручники, и как в спину ее толкнули.

–Пойдем, милая, – голос Анны. – Посиди в карцере часика четыре, успокойся...

...Натка, как в тумане, видела, как подводят ее к небольшой решетчатой клетке карцера в подвале училища. Как Анна, что-то сказав Светке и Машке, сняла с ее запястьев наручники, Натка тут же проверила, на месте ли письмо, сама шагнула по железным ступенькам в тесную клетку карцера, сама закрыла за собой дверь.

Анна защелкнула замок. Все трое они испуганно-удивленно смотрели на Натку.

–Натка... – начала Анна.

–Не надо ничего говорить. – сдавленно сказала Натка. – Не надо. Можно, я одна побуду?

–Кузнечик, – Светка прижалась лицом к решетке, – ну? Ты чего, Натка? Успокаивайся давай...

–Мурааашкиии, – Машка растерянно моргала своими глазищами, – ты больше не делай так, ладно? Ты что натворила-то? – голос у Машки дрожал. – Ведь День Рождения у тебя...

Натка улыбнулась уголками губ.

–Девки... уходите... Все нормально будет... – она отвернулась, скрючившись в клетке, услышала, как зацокали каблуки Анны и девчонок.

И только тогда позволила слезам хлынуть из глаз и задрожать губам...

Карцером называли небольшую клетку из стальных прутьев, приподнятую над полом на опорах. Размеров не хватало встать или сесть, вытянув ноги – можно было только сидеть, поджав колени, на стальной решетке. Но Натка не чувствовала, как прутья врезаются в тело, она полностью отрешилась от реальности, раскачиваясь из стороны в сторону, пытаясь монотонным ритмом движений, погрузить себя в состояние отстраненности от реальности. Время для Натки остановилось. В голове проносились обрывки мыслей, бессвязные, отрывистые, всплывали воспоминания...

Вот она бежит по спецполосе, а вместо мишеней из-за ширм высовываются Зинкины рожи, и Натка очередями стреляет в них, промахиваясь под скрипучий противный Зинкин смех...

Вот она в первом классе, с новеньким ранцем, в белых гольфиках, с огромным бантом на голове, благоговейно входит в класс и тихонько садится за парту...

Вот она стоит над могилами папы и мамы...

Вот она пишет Дяде Сереже письмо, но вместо слов у нее получается лишь кривая линия, и она плачет от того, что разучилась писать...

Натка помотала головой.

–Черт, заснуть умудрилась, – улыбнулась она.

К карцеру подходила Анна.

–Ну, успокоилась? – нежно спросила она.

–Успокоилась... Только мурашки во всем теле. – Натка улыбнулась, вспомнив, как с мурашек именно началось их с Машкой знакомство.

–Ну, иди тогда. – Анна отщелкнула замок, открыла дверь. – Я подумала, двух часов хватит с тебя... Все-таки, День Рождения. – Анна улыбнулась и протянула Натке коробку. – С Днем Рождения тебя, Валькирия.

Натка тут же разорвала бумагу, морщась от покалывания в затекших руках, скинула крышку и вытащила из коробки две кобуры из светло-бежевой кожи прекрасной выделки на, таких же, бежевых ремнях, с матовыми серебристыми пряжками.

Анна чмокнула Натку в щеку и уже совсем весело сказала:

– Беги, там тебе в столовой девчонки сюрприз приготовили!

Натка поднялась в спальню, быстро умылась, переделалась, бережно положила письмо в стопочку таких же в своей тумбочке, туда же, любуясь, аккуратно сложила кобуры.

Медленно подошла к забинтованной, лежащей на спине и, молча, округлившимися от ужаса глазами, наблюдавшей за ней, Зинке. Медленно подняла ее голову от подушки и, что было сил, врезала ей в ухо кулаком.

– Вот теперь, сука, мы в расчете. – Спокойно сказала она и вдруг, прошептала. – Ты убита, Зина...

Потом поправила чулки, одернула юбку, перед зеркалом причесала волосы, подкрасила ресницы, губы и, не глядя на скулящую и сжавшуюся Зенитку, пошла в столовую...

... Натка толкнула дверь и от неожиданности зажмурилась – все столовая была украшена разноцветными воздушными шариками, посередине стоял стол с огромным пухлым тортом с горящими свечками, на стене висел большой плакат с нарисованным милым кузнечиком и надписью «С днем рождения, Кузнечик!» – явно Светкина работа.

Вокруг стола сидели Лика, Светка и Машка, нарядные, с прическами, и радостно махали Натке руками.

Натка почему-то засмушалась, не решаясь войти.

–Ну, именинница, иди уже скорей! Сил нет на эту красоту смотреть больше! – крикнула Лика, плотоядно облизнувшись на торт.

Натка прошла к столу и села на стул, улыбаясь.

– Ну, девки... – выдохнула она. – Ну, вы даете...

Светка из-под стола вытащила бутылку красного вина и прижалась к ней щекой:

– Ооой, девушки моиии! – пропела она. – Щщщассс по рюмашу – и пееесни петь будееем!

Машка выудила гитару, подмигнула Натке:

– Все нормально, Мурашки! – улыбнулась она. – С дежурным договорились, так что можем хоть всю ночь гулять! – и она опять закривлялась, подняла указательный палец к потолку и слегка картавя, пробубнила. – Только девушки, завт`га, чтоб как штык на за`гядке и никакой абстиненции!

– А что, Медичка дежурит? – спросила Натка, приснув. Медичкой называли Маргариту Петровну, преподавателя по фармакологии, анатомии и прочим предметам, так или иначе связанным с медициной или человеческим организмом.

– Она, родненькая, она, – пропела Светка, откупоривая бутылку.

Лица тем временем отрезала от торта ломти, стараясь не задеть свечи, раскладывала их на блюдца.

– Этому дала... этому дала... – приговаривала она, от усердия хмурия брови.

– Хватит уже, давалочка, давай за Натку нашу выпьем! – Машка встала, сделала серьезное лицо и высоко подняла бокал, держа его пальцами за ножку.

– Что я хочу сказать, дамы! – начала она. – Среди нас сегодня присутствует самая красивая, самая умная, самая веселая, самая-самая-самая особа на всем белом свете.

Все захлопали в ладошки, Машка, чинно поклонившись, продолжила.

– Итак, дамы, предлагаю вам осушить эти бокалы, наполненные, весьма, смею заметить, недурственным вином, за то, чтобы Натка всегда была такой же красивой, умной и доброй, какой мы ее знаем и очень-очень любим. Ура, товарищи! – и Машка, стоя, под одобрительный смех, залпом осушила бокал.

Натка выпила терпкое душистое вино, и ей снова стало так хорошо, что на глаза навернулись слезы.

– Эй, ты чего? – Светка склонилась к ней. – Плачешь?

– Девки... Так вас люблю! – Натка от избытка чувств не могла подобрать слов. – Так люблю...

... Они сидели долго. Светка под гитару спела для Натки несколько песен, красивых, грустных, лениво трогая струны, красивым и чистым своим голосом, задумчиво глядя в темное окно.

Вино было допито, торт почти съеден, свечи, под вопли девчонок, Натка затушила одним махом. И уже глубокой ночью отправились они спать.

Натка быстро умылась, нырнула в кровать.

«Какой удивительный и счастливый сегодня день!» – думала она, даже не вспомнив о драке с Зинкой. Ее сердце переполняло чувство счастья и обретенной семьи, спокойствия и мира. Она думала о том, что любовь – самая великая сила на свете. Что хороших людей на земле больше, чем плохих, о том, что даже если когда-то будет в ее жизни день, более счастливый, чем этот, никогда она не забудет ни Светкины песни, ни Ликину светлую улыбку на перепачканном кремом лице, ни зеленые Машкины глаза, освещенные любовью.

Натка счастливо вздохнула, ресницы ее дрогнули, и она мягко провалилась в сон...

Глава 7

... Спецполоса для огневой подготовки была предметом гордости маленькой Ли, инструктора по стрельбе. Огромный, сто с лишним метров, ангар, в длину разделенный высокими стенами из красного кирпича таким образом, что получилась дорожка с тремя разворотами длиной четыреста метров и шириной около десяти метров. На дорожке: лестницы всех видов, бетонные блоки, бревна, проволочный «спотыкач», большие бетонные трубы, двери, доски, брошенные над бетонными ямами с водой, и прочие препятствия. Местами дорожка была песчаной, местами – асфальтированной, местами – опилки или гравий. По сторонам – фанерные ширмы, из-за которых выпрыгивают мишени. Полоса была оборудована освещением, которое имитировало утро, вечер, ночь, день, в нескольких местах стояли генераторы тумана, местами торчали трубки для выброса пламени, и вообще, тот, кто придумывал эту полосу, был, судя по всему, законченным садистом и тайно мечтал работать в застенках Гуантанамо...

Натка, закусив губу, вщелкивала патроны в магазин «Стечкина» и слушала Ли.

– Вчера прошла хорошо. – Говорила та, сидя на деревянной табуретке перед столом, затягиваясь розовой сигаретой с золотым фильтром. Диковинные сигареты эти Ли обожала и затягивалась с явным удовольствием. – Но посмотри сегодня, как проще кирпичный завал пройти? Вчера полторы секунды потеряла на нем. И еще – стреляй в голову, чтоб наверняка. Кобура новая? А наплечную, почему не стала носить?

– Наплечная неудобная. Я из этой быстрее вытаскиваю. И меньше мешает. – Натка поправила пояс с кобурами, подтянула ремни вокруг бедер, которые не давали болтаться оружию при ходьбе.

–И выглядишь с этой круче! – улыбнулась Ли. – А так, все правильно, наплечные, когда «сбрую» наденешь, мешаться будут. Сбруей называли сооружение из ремней, которое надевалось наподобие майки, с множеством кармашков, петелек для снаряжения – ножей, гранат, запасных магазинов и прочих полезных мелочей.

–Кино снимать будешь? – спросила Натка, подтягивая чулки.

–А как же?! Ты когда работаешь – красота неимоверная. Никто так не может, кстати, ты у нас просто ковбой Мальборо. – Ли затушила сигарету в стеклянную пепельницу и встала. – Ну, готова?

–Готова. – Ответила Натка, вставляя магазин в тяжелый пистолет. Она подошла к началу дорожки, стянула волосы в хвост резинкой, потопталась, утвердив ноги в туфлях на дорожке, поправила юбку. Вложила пистолеты в кобуры. Помотала головой и вздохнула. – Давай!

Ли включила многочисленные камеры на полосе – тут же засветились мониторы, взяла со столика секундомер.

–Пошла! – крикнула она.

Натка рванула, на бегу вытаскивая пистолеты из кобур. Каблуки звонко защелкали по бетонному участку, она нырнула в оконный проем, прокатилась, сгруппировавшись, отметив три выскочившие мишени – одну слева и две справа, встала на колено, развела руки и выстрелила, не озаботившись даже посмотреть, попала или нет. Вскочила, пробежала по куче битого кирпича, стреляя по мишеням. Казалось, что правая половина ее тела и левая разделились – и каждая из них, вооруженная огромным пистолетом Стечкина, стреляет по своим мишеням.

Лестница... Натка перемахнула через нее, приземлившись на рыхлые опилки, прокатилась на боку, полулежа выстрелила еще, вскочила, ногой открыла дверь, нырнула в трубу, перепрыгнула яму с грязью, побежала по песку...

Ее глаза фиксировали выскакивающие мишени, руки машинально поднимались и стреляли. Тяжелые Стечкины вздрагивали в ладонях, сухие хлопки выстрелов эхом прокатывались по ангару.

Натка на миг остановилась, перезарядила пистолеты, побежала дальше, прыгая, кувыркаясь, и, ныряя через препятствия, одну за одной поражая фанерные фигурки мишеней...

Полоса закончилась быстро. Вот «спотыкач», вот мостик из двух круглых бревен. Натка, вбивая набойки туфель в скользкое дерево, пробежала и его, вот и последняя дверь. Натка всем телом вынесла ее, выбежала в «предбанник», тяжело дыша.

– Ай, красавица! – восхищенно воскликнула Ли, помахав секундомером. – Только одну пропустила, остальные – поражены. Натка, запомни, в работе – это не просто пропущенный кусок фанеры, это пуля в спину, поняла?

– Поняла, – выдохнула Натка, с грохотом бросая на стол горячие дымящиеся пистолеты.

– Ну, иди, умывайся. На сегодня хватит тебя мучить.

– Послушай, Ли – сказала Натка, выходя из умывальника с полотенцем на плече. – Давно хотела у тебя спросить. А что это за девчонки, которые иногда у тебя здесь тренируются?

– Это? – Ли немного помедлила. – Это, Наташа, «Акела».

– Что за Акела такая? – спросила Натка. – И почему не Акелла?

– Это в мультике про Маугли Акелла! – сказала Ли, доставая свою диковинную сигаретку с золотым фильтром – на этот раз, зеленую. – А у нас, как положено в серьезной организации, это аббревиатура.

– И что она означает? – спросила Натка.

– Автономная Кадровая Единица по Ликвидации Антагонистов.

– Антагонистов? – удивилась Натка. – Что это за высокий слог?

– Ну, тот, кто придумывал это название, видимо, посчитал, что антагонист и враг – это синонимы. – Ли пожала плечами.

– погоди! – Натка поморгала – Я правильно понимаю, что это киллеры?

– Киллеры! – Ли засмеялась. – Только в книжках и в кино! Это буржуйские писатели придумали слово! У нас – ликвидаторы. Иногда – чистильщики. Вот так!

– Поняла – ответила Натка, задумавшись о том, какая работа предстоит этим девчонкам из Акелы.

– Натка! – в ангар вбежала Лика. – Ты опять здесь! Пошли скорее – сейчас Светка с Зинкой биться будут!

– В смысле? – Натка удивленно вскинула брови – они что, по расписанию драться стали?

– Да какое там! Кураторы им спарринг назначили, чтоб дурь выпустили, а то, говорят, за последние две недели четыре драки у них. Вот и решили дать им легально повеселиться.

– Зинка что, совсем тупая у вас? – Ли покачала головой. – Не понимаю... Светка – лучший рукопашник, жесткая, как стальной лом, а она... Не понимаю...

– Зинка не теряет надежды! – усмехнулась Лика. – Натка, ну пошли уже скорей! Пропустим интересное!

Натка быстро вытерлась полотенцем, распустила волосы.

– Ну, пошлии! – от нетерпения Лика притопнула. – Поскакали, Кузнечик, ну?

– Поскакали, поскакали! – Натка ладонью взъерошила ликину челку...

... Они прибежали вовремя. В зале собрались все, кто мог. Ринг уже был освещен, Светка и Зинка, стоя по разным сторонам, разминались.

– Вы где лазили, заразы?! – зашипела Машка на Лику с Наткой. – Я тут извелась вся!

– Натка опять мочила буратинок, – ответила Лика, – на полосе.

– Ну, что тут? – спросила Натка, усаживаясь на пластиковый стул.

– Что-что... Бой на вылет, с ПР-ами...

– Жестко... – Натка закинула ногу на ногу. – Зинке нейдет, видимо?

–Да сейчас огребет! И одумается уже. – Хохотнула Машка.

На ринг вышла Ирина Витальевна, замначальника по дисциплине, сделала паузу, чтобы в зале наступила полная тишина, быстро зачитала приказ – спарринг на вылет, до нокаута, без лимита по времени, с применением резиновых дубинок, или ПР, без защитных костюмов.

Она, цокая каблучками, неспешно покинула ринг, изящно поднырнув под канатами.

Светка была в «ночке» – специальном комбинезоне из тонкой прочной ткани, плотно облегающем тело. «Ночка» был костюмом для работы в темноте, имел бархатистую поверхность, и Светка в нем выглядела, как черная гибкая пантера. Натка сразу поняла, почему Светка выбрала именно «ночку», за него нельзя ухватиться, она лишала Зинку возможности хвататься за одежду.

Нинка вышла в спортивном костюме, в кроссовках, вся пестрая, красно-зелено-белая.

–Не умеет Зинка одеваться! – шепнула Машка. – Даже на смерть лютую, вырядилась, как попугай... Дешевка...

Натка улыбнулась уголками губ:

– Не всем же тонкие запястья, сударыня.

–Так и сидела бы тихо... Не рыпалась... Зенитка, Зинка-животинка...

Ударил гонг.

Светка, лениво, качая бедрами, шагнула в центр ринга. На правой руке – дубинка, свободно покачиваясь, висит на ремешке на запястье. Светка словно и не драться шла, а прогуляться...

Зинка собралась, напряглась, ее пальцы стиснули рукоять ПР-а, она, набывчившись, пошла вокруг Светки по кругу.

–А ссыт Зенитка, видно, – шепнула Машка. – Ой, ну куда полезла... Жалко даже ее! – Машка, кривляясь, вытерла воображаемые слезы. – Упокой, господи, душу ее грешную! – сложив ладошки, как в молитве, она закатила глаза к потолку.

–Да Машка! – Лика толкнула ее в бок локтем. – Хватит уже! Артистка...

Зинка не выдержала первой, сильно замахнувшись, она попыталась ударить, но Света только этого и ждала – резко бросив ПР вперед, она ударила Зинку в живот, ногой сбила ее с ног и, сильно размахнувшись, припечатала дубинкой Нинке в бедро. Зина взвыла.

–Играется Светка... – Машка, округлив глаза, смотрела на ринг.

Зина поднялась, сильно хромая на подбитую ногу.

Света внезапно и сильно ударила ее дубинкой в предплечье, согнула ПР подковой, накнула на шею и резко дернула на себя. Нинка полетела на пол, гулко ударившись о покрытие ринга.

Светка шагнула к ней, дожидаясь, когда та поднимется, подпрыгнула и ногой опять бросила Зинку на пол.

–Как кошка... – восхищенно прошептала Натка.

–С мышкой! – добавила Лика.

Зинка, зарывав, резко вскочила и наугад стала махать дубинкой. Света, легко уклоняясь, черной тенью скользнула к ней, и опять ПР, согнутая подковой, легла на нинкину шею, опять глухой звук падения...

–Светка, хватит танцевать! – крикнула Машка. – Мочи ее!

–Давай, Кувалда, сделай! – подхватил Анькин голос. – Хватит играть!

Зина сплюнула на пол розовую слюну, выпрямилась. Из носа ее бежали красные струйки.

Светка легко, без замаха, хлестнула ПР-ом ее по лицу. Зинка опять повалилась, тяжело, неуклюже, выронив дубинку и обливаясь кровью из разбитой брови.

–А за что они вообще? – спросила Натка у Машки.

– Зинка Лику в туалете зажала. Чуть нос ей не сломала. Хотела в унитаз головой макнуть. Она, кстати, после спарринга, вообще кукухой повредилась. Отрастила на нас зуб, вишь... – тут Светка и подскочила. Еле растащили их...

– Вот сучка... Тогда так и надо ей... за Лику я бы сама ей наваяла...

– Да я бы тоже... Вообще, Светка молодец! Она не только наваяет ей сейчас, а еще морально опустит... Красава, Светка, давай! – выкрикнула Машка.

Зина опять поднялась на ноги, подобрав ПР, пригнулась, напряжилась и бросилась на Светку.

Света скользнула в бок, замахнулась дубинкой и, вскрикнув, как топором, рубанула Зинку по шее.

Та, потеряв равновесие, кубарем покатила по рингу, потом медленно поднялась на ноги.

На Зину было жалко смотреть, лицо разбито, хромает, волосы спутались, прилипнув сосульками ко лбу и щекам, окровавленный рот перекошен от боли и страха, нелепый костюм забрызган кровью.

Света отошла на шаг, встала, расставив ноги, и, поигрывая дубинкой, улыбнулась.

– Зинооок! – пропела она. – Вставать порааа...

– Убью... Сука... – Зинка рванула вперед, целясь растопыренными пальцами Свете в лицо, но та мягко увернулась, и зинкины пальцы поймали воздух. Света локтем ударила в затылок, ногой – в спину, Зинка опять с грохотом повалилась на ринг.

Светка ленивой походкой, явно играя на публику, подошла к ней, за волосы вздернула вверх, поставив на четвереньки. Придерживая левой рукой за волосы, Света взмахнула дубинкой.

ПР, со свистом разрезав воздух, со шлепающим звуком опустилась на Зинкины ягодицы.

Та взвизгнула и дернулась, но Светка крепко держала ее за волосы – ПР еще несколько раз проехался по ягодицам, каждый раз заставляя Зинку взвизгивать.

– Ну, дает Светка! – восхищенно прошептала Машка. – Опускает, ниже некуда Зенитку!

– Так ей! – ответила Лика. – Нефиг меня в унитаз совать...

Света на ринге, закончив экзекуцию, ногой, с поддевом, снизу, ударила Зинку в живот так, что тело ее подскочило и повалилось на бок.

Света отбросила дубинку, за волосы подняла скулящую Зинку на ноги.

– Ну, закончим, пожалуй! – выдохнула Светка-кувалда и провела свой коронный прямой правой в переносицу.

Зинкина голова мотнулась, как на веревочке, тело ее бросило назад, и она, с грохотом, неуклюже, рухнула на спину.

Светка, красуясь в облегающей своей звериной шкурке, медленно ушла с ринга...

К неподвижной фигурке в пестром костюме уже торопились санитары с носилками...

Натка, любуясь, смотрела на приближающуюся Светку, на то, как ее тело, подобно жидкой стали, струится под черной тканью «ночки», как красиво и размашисто шагает она, улыбаясь, как переливаются в свете прожекторов ее платиновые волосы.

– Да уж... Красота – страшная сила! – вздохнула она. – Только Зинку все равно жалко немного... Несчастливая она...

Глава 8

.... Еще один год обучения пролетел совсем быстро. Натка не успела опомниться, как наступила зима, а вслед за ней – и итоговые тесты, испытания, опять загадочные лица преподавателей, натянутые нервы, более плотный график занятий и все прелести окончания курса...

Она вспомнила с улыбкой, как снова приехали ГРУ-шники на комплекс, и как ждали они встречи со старыми знакомыми.

Вспомнила удивленное до предела лицо того самого, улыбчивого, когда Натка отправляла его в нокаут... Как аплодировали им преподаватели в зале, когда измотанные, окровавленные, едва стоящие на ногах, они стояли на ринге над побежденными бойцами спецназа, улыбаясь и пьянея от победы...

Вспомнила, как потом радостно пищала Машка, когда ВикС с улыбкой объявил, что дальнейшее обучение будет проходить их четверка, из которой будут готовить боевую группу...

Как угрюмо прощалась Зинка, как блестели слезы на глазах Ани, которая не знала, как ей реагировать на свое распределение в криминалистический отдел милиции где-то на юге России... Как глумилась над Зинкой Машка, когда выяснилось, что распределили ее в женскую колонию, охранницей...

Вспомнила, как праздновали потом они вчетвером начало последнего курса, всю ночь, с песнями, танцами и диким каким-то, бесшабашным весельем, обнимаясь, и, признаваясь друг другу в вечной верности и преданности, поднимая очередной бокал красного вина... И как Машка потом, от избытка чувств, исполнила на столе какой-то совершенно сумасшедший танец, от которого подломилась ножка, и они, хохоча, собирали с пола осколки посуды, старательно вытаскивали из Машкиных волос налипшие горошинки из салата.

А после посиделок, Натка с Машкой пошли курить на лестницу. Натка, несмотря на попытки Машки научить, курить так и не начала и сейчас просто смотрела, как Машка курит, пьяненько мотая головой.

– Мурашки – вздохнув, сказала Машка, – Знаешь, о чем я мечтаю иногда?

– О мире во всем мире? – усмехнулась Натка.

– Вот тебе смешно, а я серьезно! – Машка насупилась было, но передумала дуться и продолжила – Вот будем мы с девками, совсем скоро, такие красивые, все в бриллиантах, в шубах за миллион долларов, ездить на красивых машинах, все такие невозможные шпионки и мир спасать! – Скажешь, смешно?

– Нет, Машка, не смешно, – серьезно ответила Натка. – Мир спасать... Мир спасать, Марья, это серьезная и ответственная работа, между прочим! И мы, если нужно будет, ей займемся! Все такие невозможные и красивые!..

Много всего было за год...

И вот, впереди последний год их обучения, после которого они станут работать самостоятельно...

Натка часто задумывалась – как это будет? Но в голову ничего не приходило. Она вдруг улыбнулась, глотнула кофе из пластикового стаканчика и повернулась к Ли.

– Что ты говорила? – переспросила она.

– Натка, ты стихи, что ли, сочиняешь? – улыбнулась Ли – Говорю, старайся сильнее, всем телом, на выдохе бросать! Попадаешь ты хорошо, а вот по силе – слабовато. Грудину не пробьешь, а надо. – Ли повертела в пальцах тяжелый нож, протянула рукоятку вперед Натке – Попробуй еще раз. А вообще, посмотри как-нибудь, как Снежная с ножами работает, zalюбуешься!

– Видела я... Как косилка...

Натка приняла нож, перебросила его клинком в ладонь, быстро поймала центр тяжести, положила пальцы на сталь лезвия, прицелилась, замахнулась и что было сил, вкладывая в бросок вес тела, выдохнув резко, с каким-то внезапным вскриком, метнула нож в деревянную мишень.

Лезвие на миг сверкнуло в свете ламп, освещавших тир, и с громким стуком воткнулось в толстую доску мишени, почти в самый центр красного круга.

– Ох, как ты... – Ли восторженно поцокала языком. – Крикнула... Сексуально...

– Оно само...

– Да нет, все правильно. И смотри, почти полклинка вогнала – а это точно уже наповал. Так и надо. Ты запомни. – Ли в тысячный раз повторяла одну из своих формул. – Это тут деревяшки... И перебросить можно... А в работе – второй попытки не будет. Так что тренируйся, пока не закрепíš это свое «аааа-хаааа».

Ли села на раскладной стульчик, а Натка собрала со столика ножи, подошла к мишени и стала один за одним бросать их...

Машка ввалилась – не вошла, а именно ввалилась в тир, топая, стряхивая снег с ярко-красных сапожек, румяная, красивая, в красной курточке и белых леггинсах, мотая головой, стряхивая снежинки с волос и одновременно стягивая тонкие перчатки.

– Маша, – улыбнулась Ли, – ты когдаходишь, заполняешь собой все пространство.

– У меня душа большая! – сказала Машка, сосредоточенно разглядывая в маленькое зеркальце ресницы – не потекла ли тушь. – Мурашки, Валваныч заждался уже!

Вообще, о Валваныче, в училище ходили легенды. Говорили, что он был когда-то гонщиком, служил на Кубе и вообще, биографию имел самую шпионскую.

Натка быстро накинула куртку, и они побежали по поскрипывающей от морозца дорожке к полигону для автодела, где изнывали от ожидания нетерпеливый Валваныч, Лика и Светка.

Денек был замечательным – Натка успела порадоваться солнышку, расчирикавшимся от предвкушения весны воробьям, редким снежинкам, плавно опускающимся с неба, сверкающим на солнце, словно бриллианты...

... Валваныч в сине-красном утепленном гоночном комбинезоне улыбнулся, дернув шрамом, увидев Натку с Машкой, и нарочито грозно буркнул, затягиваясь папирисой

– Уже три минуты лишних бегаєте, красотки.

– ВалВаныч, как могли, торопились, – запыхавшись, улыбнулась Машка. – По сугробам, напрямик, бразды пушистые вздымая, сквозь...

– Красная... – Валваныч закатил глаза. – Хватит, прошу тебя. Дай хоть раз насладиться зрелищем тебя молчащей!

– Наслаждайтесь! – Машка картинно встала, отставив ногу, повернула голову в профиль, сверкнула зелеными глазами. – Я молчу. Буду молчаливым образцом красоты и грации, подобно античным статуям! И никто уже не сможет...

– Мария! Хватит! – Валерий Иванович махнул на Машку рукой. – Ну что за создание такое?

Натка улыбнулась, увидев стоящих Светку и Лику, подошла к ним.

– Что сегодня у нас? – спросила она, любясь, как Машкины волосы полыхают в лучах солнца.

– Прохождение пересеченки. Парами, – Светка подтянула высоченные черные сапоги, – на Макаках.

Макаками называли машины, созданные специально для безжалостного прохождения трасс. Это были старенькие советские легковушки, мятые, битые-перебитые, внутри которых Валерий Иванович установил прочные стальные каркасы, чтобы машины не сминались. Стекол у макак не было – вместо них – стальные сетки. Но, несмотря на угроханный внешний вид, машинки эти были резвыми и мощными, не боялись ни грязи, ни трамплинов, ни ударов,

ни переворотов. Избавленные от лишнего веса, они были настоящими ракетами на колесах. Все макаки были раскрашены в яркие цвета, на всех были написаны имена – «Каракатица», «Выхухоль», «Парашка», «Грымза». Имена эти дал макакам Валваныч, зачем и почему, никто не знал.

Ли́ка грызла печенье, притопывая ногой от нетерпения.

– Давайте начинать уже, Вал Ваныч! – протянула она. – Холодно!

– Снежная, тебе ли с твоей фамилией зимы бояться? Ладно, объясняю задачу. Маршрут номер 4, три круга, на время, парами. На вылет. Приз – четыре часа выходного в воскресенье с утра.

Первая пара – Красная и Снежная.

– О! – Машка потрянула волосами, подошла к машине красного цвета, открыла дверцу. – Значит, поединок пламени и снега! Смертельный бой зимы и солнца!

– Я те покажу, смертельный бой! – цыкнул Валерий Иванович – Я те покажу, поединок!

Ли́ка подошла к светло-серой машинке.

– Машка! – крикнула она, усаживаясь в жесткое сиденье, прищелкивая ремни. – Уделаю я тебя, как грелку порву сейчас!

– А вот посмотрим! Забьем, блондиночка?

– На что?

– Кто проигрывает, вокруг казармы бегают верхом на швабре, с криками «я дура» ночью, три круга!

– Голая! – добавила Ли́ка, запуская двигатель.

– Замазали! – крикнула Машка, захлопнула дверцу, и двигатель ее машины взревел.

– Ох, девки! – проворчал Валваныч, прищурившись глядя, как красная и серая машинки подкатываются к линии старта. – Как дети маленькие... Я дура...

Он поднял к небу стартовый пистолет, хлопок выстрела утонул в реве двигателей, и машины, подняв облака снежной пыли и дыма, рванули по трассе...

Натка со Светой молча наблюдали, как две макаки, в снежной дымке, летели по треку, перепрыгивая кочки, проскакивая по мостикам, с заносами вписываясь в крутые повороты «змеек».

– Блин, с ума они сошли, что ли... – пробормотала Светка, сощурившись, глядя на летящие машины.

Натка вгляделась – макаки, набирая скорость, просто летели по трассе, взрывая моторами, опасно кренясь на поворотах...

Сердце Натки екнуло, когда красная машина, высоко прыгнув на бревенчатом трамплине, начала в воздухе заваливаться на бок, а потом жестко, с лязгом, опустилась на колеса, зарыскала, как раненная гончая, взвыла двигателем и рванула вперед. Серая машина, не отставая, летела следом, отчаянно скользя колесами, чудом вписавшись в поворот.

– Что творят! – шепнула Натка. Улыбка сошла с ее лица, брови нахмурились – на ледяном участке, красная машина надела, боком вылетела в поворот, встала на два колеса и, отброшенная ограждением из покрышек, завертелась волчком. Висевшая на пятках серая едва не врезалась в нее, отчаянно вильнула, и по бровке пролетела в нескольких сантиметрах...

– Б...дь! – вскрикнула Светка, сжимая кулаки. – Совсем с ума сошли!

Натка прикусила губу, стараясь не пропустить ничего, сердце ее сжималось каждый раз, когда макаки чудом избегали столкновения или вот-вот должны были перевернуться...

... Первый круг выиграла Ли́ка, она с ревом пронеслась мимо флажков, и через секунду пронеслась Машка на своем красном снаряде.

– Скорость набрали девки, – укоризненно покачал головой Валваныч. – Доиграются сейчас...

На втором круге смотреть было еще страшней, Натка даже пару раз зажмурилась, ожидая услышать грохот столкновения, но двигатели по-прежнему ревели почти в унисон, и она открывала глаза, чтобы через пару минут зажмуриться снова...

–Сучкиии!!! – шипела Светка. – Убью, на хрен, обеих!!!

А на трассе царило безумие...

Макаки на максимальной скорости, ревя моторами, проходили самые сложные участки, чудом избегая аварии... Вот машина Лики вылетела на лед, вспахав сугроб, выбросив радужный веер снежной пыли.

Вот Машка в трех сантиметрах от бревна, торчащего вертикально, заложила совершенно невероятный вираж, пытаясь подрезать Лику.

Вот на прямом участке ледяной трассы, Лика, выжимая из машины всю скорость, юзом летит к виражу, даже не думая сбрасывать скорость...

Вот...

Что случилось, Натка не поняла, она лишь видела, как обе машины, поравнявшись, вдруг скрылись в облаке снежной пыли, как взлетела высоко вверх сорванная красная дверца, как прокатился по полигону грохот и скрежет сокрушаемого металла вместе со снежным клубящимся дымом, как из белого облака вылетело колесо.

От ужаса у Натки перехватило горло, она рванула по сугробу на трассу, спотыкаясь, падая, глотая холодный воздух, проклиная себя за то, что так медленно бежит...

Рядом бежала Светка, страшно матерясь, позади, хромая, бежал Валерий Иванович...

... Натка подбежала первой.

Красная макака валялась кверху колесами, искореженная, с вырванной сеткой...

Серая в пяти метрах лежала на боку, без колеса, с сорванным и скрученным в узел, капотом, огромной бороздой на борту...

В машинах все было тихо, Натка испуганно, опустила на колени, заглядывая в салон Машкиной машины...

–Господи, только бы жива! – стучало в висках...

... Машка висела на ремнях... Лицо в крови – Натка не поняла, откуда кровь, было ощущение, что разбито все лицо... Она осторожно, как учили, ощупала Машкины руки, ноги, шею, проверяя, не сломаны ли кости... Подкатилась под нее, отщелкнула негнушимися пальцами замок.

Машка как-то мягко скользнула Натке на живот, Натка выбралась из-под машины, придерживая Машку, аккуратно уложила ее на снег, рванула куртку и припала к груди ухом.

Машка дышала, сердце билось ровно.

–Вот сучка! – крикнула Натка неожиданно для себя.

Машкины ресницы дрогнули, глаза открылись.

–Сама ты... – вяло улынулась Машка...

За спиной стонала Лика, которую вытащила Светка, подтащила к Машке и положила рядышком.

–Добить бы вас, гадин таких! – Светка скинула куртку, свернула и подсунула под голову Лике. – Чтоб, заразы, не мучились и других не мучили!

–Светка, все же нормально! – Лика завожилась, пытаясь встать, чтобы все видели, что все нормально, охнула и легла.

–Я тебе покажу, нормально! – Светка шурилась и играла желваками. – Только встань, гадина, сама ухайдакаю!

Натка вытащила платок, обтерла Машкино лицо. Кровил порез на подбородке.

–Мурашки! – ухмыльнулась Машка. – Я дальше валяюсь – бегать Лике голой!

–Дура! – сказала Натка. – Обе, сучки, будете у нас голыми бегать!

–Со швабрами в заднице! – добавила Светка.

Светка вдруг всхлипнула, как девочка, варежкой вытерла глаза и сквозь слезы выкрикнула

– Если вам насрать на нас с Наткой, то идите вы в жопу, дуры две, гоняйтесь, сколько хотите, убивайтесь, но чтоб мы не видели, идиотки чокнутые! Я чуть не сдохла, думала все, разбились, а они, сволочи такие, еще и зубы тут мне скалят!

Светка закрыла лицо руками и заплакала...

– Свееет... – тихонько позвала Машка. – Свееетааа... Светулечка наша любимая самая на Свееетеее... Простиии

– Не будем больше, обещаем! – жалобно протянула Лика. – Простите нас, девчонки...

Натка, с трудом глотая слезы, погладила Машку по волосам.

– Ты, дура такая, не подумала, что тебя любят что ли? – прошептала она, капая слезами на щеки Машке. – Мы же со Светкой чуть с ума не сошли...

– Да что ты объясняешь им... – Светка вытерла слезы. – Лежат вон, довольные, и пофигу им... – Она вдруг засмеялась, махнув рукой. – Знают, заразы, что любим их и простим – вот и устроили!

Натка тоже засмеялась, бросив пригоршню снега Машке в лицо.

– Вот тебе, придурочная! – крикнула она, садясь на лед.

Машка засмеялась тоже, вытирая снег с лица, глядя в небо изумрудными глазами...

...Когда Валерий Иванович подбежал, наконец, к девочкам, он в сердцах плюнул и полез за папиросой.

– Вот ведь больные девки! – проворчал он, глядя на смеющихся девчонок. – Чуть не убили, а все хиханьки им! – Он вдруг улыбнулся. – Соловей! Встань со льда-то! Отморозишь ведь! И вы обе вставайте – разлеглись тут! На пляже прям, красотки, мать вашу! – И он засмеялся сухим, тихим смехом. – Ну, девки, ремня на вас нет! – сказал он, прикуривая папиросу от спички, и все засмеялись с новой силой...

...А потом Все впятером пили до черноты крепкий чай из мятого древнего чайника у Валваныча в каморке, сжав ладонями эмалированные, в черных выбоинах, кружки, с пиленым сахаром вприкуску, с баранками, которые по очереди таскали из полиэтиленового пакета, лежащего на фанерном столе, рядом с набором гаечных ключей в кожаном футляре...

Натка морщила нос, дула на нефтянно-черный чай, разгоняя пар, из-под ресниц глядя на своих подруг и в глубине души мечтая, чтобы так всегда и было им вместе хорошо и весело, как вот сейчас, в этой промасленной каморке, до потолка заваленной инструментами и деталями машин, на чурбачках с постеленной чистой ветошью вместо стульев, с байками Валваныча, с пластами папиросного дыма и громким хрустом разгрызаемого сахара... Она поняла вдруг, что любовь – это не только охи и ахи – а еще ответственность...

– Как сложно все, оказывается, – выдохнула она и потянулась за баранкой...

– Крепче за баранку держись, шофер! – подмигнул ей Валваныч, и все громко рассмеялись...

Глава 9

... Натка сосредоточенно пыталась завязать на черном чулке скользящий узел-удавку, старательно сверяясь со своим рисунком, торопливо сделанным на лекции. Узел упорно не желал становиться скользящим, а уж тем более, удавкой, и Натка, горестно вздохнув, в соты-сячный раз развязала его и стала пробовать снова.

– Вообще,— отстраненно думала она, пытаясь определить по рисунку направление петли, — удивительная какая вещь, чулки... Вот кто это придумал? Ведь просто очень красивая деталь одежды, а вдруг — и жгут, если кровь остановить, и веревка прочная, если надо что-то привязать, кого-то связать. — Натка вспомнила, как также долго и мучительно осваивала она двойной узел — наручники. — И бинт, и маска на лицо, и даже оружие — если положить что-то тяжелое, да раскрутить... — Натка улыбнулась, вспомнив, как на занятиях Лика, сделав из чулка пращу, перестаралась с весом камней и чулок порвался, когда Лика раскрутила его, угостив всех каменной дробью... — Да уж, прямо швейцарский нож... И снимать удобно, и когда бежишь, не мешает, и красиво, в конце концов... Все ведь предусмотрели многомудрые наши учителя... Каждой мелочи в женском туалете придумано столько применений... — Натка вспомнила опять, как учились они из аэрозольного дезодоранта, зажигалки и гигиенического тампона делать «пугач» — маломощное, но очень шумное взрывное устройство... Натка накинула петлю узла на ножку стула, потянула — петля мягко затянулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.